

Монтсерат

переводчика

ТЕТРАДИ ПЕРЕВОДЧИКА

*Под редакцией доцента, канд. филологических
наук Л. С. БАРХУДАРОВА*

Издательство
„Международные отношения“
Москва 1964

Ученые записки № 2

Сборник издается на общественных началах

Редакционная коллегия.

**Л. С. Бархударов, В. Г. Гак, А. В. Кунин (отв. ред.)
В. И. Тархов, Г. Я. Туровер, М. Я. Цвиллинг**

I. Вопросы теории и истории перевода

А. В. Кунин

(Москва)

О ПЕРЕВОДЕ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В АНГЛО-РУССКОМ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

Перевод фразеологических единиц, особенно образных, представляет значительные трудности. Это объясняется тем, что многие из них являются яркими, эмоционально насыщенными оборотами, принадлежащими к определенному речевому стилю и часто носящими ярко выраженный национальный характер. При переводе устойчивых сочетаний слов следует также учитывать особенности контекста, в котором они употребляются. Для многих английских фразеологических единиц характерны многозначность и стилистическая разноплановость, что осложняет их перевод на другие языки.

В данной статье мы рассмотрим способы перевода в основном устойчивых образных словосочетаний и пословиц с английского языка на русский, использованные в «Англо-русском фразеологическом словаре».

В отдельных случаях, в дополнение к примерам, данным в словаре, привлекаются и новые примеры.

С переводческой точки зрения английские фразеологические единицы делятся на две группы:

- 1) фразеологические единицы, имеющие эквиваленты в русском языке
- 2) безэквивалентные фразеологические единицы.

I Фразеологические эквиваленты

Фразеологические эквиваленты могут быть двух типов:
1) Постоянное равнозначное соответствие, которое является единственно возможным переводом и не зависит от контекста.

Этот вид перевода назван Я. И. Рецкером «эквивалентом» в статье, в которой впервые был поставлен вопрос о закономерных соответствиях при переводе на родной язык¹.

Поскольку всякое равнозначное соответствие является эквивалентом, то целесообразнее указанный выше тип перевода называть **моноэквивалентом**. Эти соответствия могут возникать в результате дословного перевода английских фразеологизмов, например:

time is money 'время—деньги'.

2) С другой стороны, возможно наличие в русском языке двух или более эквивалентов английской фразеологической единицы, из которых для перевода данного текста выбирается наилучший или любой, если они оба или все равноценны. Такие эквиваленты можно назвать **выборочными**.

Помимо указанного деления, эквиваленты можно классифицировать следующим образом:

Полные эквиваленты

Полные эквиваленты—это русские эквиваленты, в большинстве своем являющиеся моноэквивалентами английских фразеологизмов, совпадающие с ними по значению, по лексическому составу, образности, стилистической направленности и грамматической структуре. Число подобных соответствий невелико; к этой группе относятся фразеологизмы интернационального характера, основанные на мифологических преданиях, библейских легендах и исторических фактах:

Augean stables	авгиевы конюшни
burn one's boats	сжечь свои корабли
in the seventh heaven	на седьмом небе
Pyrrhic victory	пиррова победа

и некоторые другие.

¹ Я. И. Рецкер. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык. Сб. Теория и методика учебного перевода, М. Изд-во Акад. Пед. наук РСФСР, 1950.

Из фразеологизмов других типов можно отметить:

сравнения: as bold (или brave) as a lion 'храбрый как лев'; as cold as ice 'холодный как лед'; as cunning as a fox 'хитрый как лиса'; as sharp as a razor 'острый как бритва' и др.

пословицы: better late than never 'лучше поздно чем никогда'; extremes meet 'крайности сходятся'; habit is a second nature 'привычка—вторая натура' и некоторые другие.

глагольные словосочетания: gild a pill 'позолотить пилюлю'; play with fire 'играть с огнем'; read between the lines 'читать между строк'; swallow a bitter pill 'проглотить горькую пилюлю' и др.

Частичные эквиваленты

Частичный эквивалент не означает какой-либо нежолноты в передаче значения, а лишь содержит лексические, грамматические или лексико-грамматические расхождения при наличии одинакового значения одной и той же стилистической направленности. Поэтому частичный эквивалент по степени адекватности перевода равноценен полному эквиваленту.

а) Частичные лексические эквиваленты

Частичные лексические эквиваленты можно подразделить на две группы. Первую группу составляют русские эквиваленты английских фразеологизмов, совпадающие по значению, стилистической направленности и близкие по образности (грамматическая структура может как совпадать, так и не совпадать), но несколько расходящиеся по лексическому составу.

Примером могут служить следующие обороты: kill the goose that lays the golden eggs 'убить курицу, несущую золотые яйца'; light as a feather 'легкий как перышко'; put by for a rainy day 'отложить про черный день'; a wolf in sheep's clothing 'волк в овечьей шкуре'.

К этой же группе относятся и некоторые пословицы: hawks will not pick hawks' eyes out 'ворон ворону глаз не выклюет'; one swallow does not make a summer 'одна ласточка весны не делает'; don't count your chickens before

they are hatched 'цыплят по осени считают'. В последнем случае—антонимический перевод, то есть передача негативного значения с помощью утвердительной конструкции. Возможны, конечно, и случаи, когда позитивное значение передается с помощью отрицательной конструкции.

Ко второй группе частичных лексических эквивалентов относятся русские эквиваленты английских фразеологизмов, совпадающие с ними по значению, по стилистической направленности, но различные по образности (грамматическая структура может как совпадать так и не совпадать).² Подавляющее большинство образных фразеологизмов относится к этой группе. Примерами могут служить: *be born with a silver spoon in one's mouth* 'родиться в сорочке'; *a fly in the ointment* 'ложка дегтя в бочке меда' (библейский оборот); *birds of a feather flock together*—'рыбак рыбака видит издалека'; *a bird in the hand is worth two in the bush* 'не сули журавля в небе, а дай синицу в руки' (антонимический перевод).

б) Частичные грамматические эквиваленты

К этой группе относятся русские эквиваленты английских фразеологизмов, совпадающие с ними по значению, стилистической направленности и образности, но отличающиеся числом, в котором стоит существительное, или порядком слов.

Расхождение в числе:

<i>fish in troubled waters</i>	ловить рыбу в мутной воде;
<i>the game is not worth the candle</i>	игра не стоит свеч (ср. франц.: <i>le jeu ne vaut pas la chandelle</i>);
<i>play into somebody's hands</i>	играть на руку кому-л.;
<i>there is no rose without a thorn</i>	нет розы без шипов.

Расхождение в порядке слов:

<i>all is not gold that glitters</i> (или <i>all that glitters is not gold</i>)	не все то золото, что блестит;
<i>all's well that ends well</i>	все хорошо, что хорошо кончается;

² «Аналоги» по терминологии Я. И. Рецкера. См. указ. соч.

if you run after two hares	за двумя зайцами погонишься,
you'll catch neither	ни одного не поймает;
strike while the iron is hot	куй железо, пока горячо;
he laughs best who laughs	хорошо смеется тот, кто сме-
last	ется последним (ср.: франц.: rira bien qui rira le dernier)

В последнем случае имеется и незначительное лексическое расхождение (best—хорошо).

Перевод устойчивых сочетаний слов при помощи полных или неполных эквивалентов, который можно назвать фразеологическим переводом, не представляет сколько-нибудь значительных трудностей и не является переводом творческим.

Калькирование или дословный перевод фразеологизмов при наличии полного или частичного эквивалента

Устойчивые сочетания слов иногда приходится переводить дословно, несмотря на наличие полного или частичного эквивалента. Дословный перевод особенно важен, когда образ, заключающийся в фразеологизме, не безразличен для понимания текста, а замена его другим образом не дает достаточного эффекта. Дословный перевод часто применяется при наличии расширенной метафоры, фразеологических синонимов, игре слов и каламбурах.

Оборот *care killed a cat* переводится: 'заботы до добра не доводят; не работа старит, а забота'. Однако наличие противопоставления в следующем отрывке из Шекспира требует дословного перевода:

Claudio. What! Courage, man! What *care killed a cat*³, thou hast mettle enough in thee to kill care. (W. Shakespeare, *Much Ado about Nothing*, act V, sc. 1)

К л а в д и о. Подбодрись, дружок! Хоть говорят, что *забота и кошку уморить может*, у тебя такой живой нрав, что ты можешь и заботу уморить. (Пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник.)

Другой пример:

One of the most striking differences between a cat

Одно из существенных отличий кошки от лжи за-

³ Выделено нами как в этой цитате, так и в последующих.—А.К.

and a lie is that *a cat has only nine lives*. (M. T w a i n, Pudd'nhead Wilson, ch.VII.)

ключается в том, что у кошки только девять жизней.

Подобный буквальный перевод лучше передает мысль М. Твена, выраженную в сжатой форме, чем любые другие рассуждения о живучести кошки.

Пословица *a cat may look at a king* переводится 'смотреть ни на кого не возбраняется'. Так, например, у Б. Шоу:

T a n n e r... sit down again and be friendly. *A cat may look at a king*, and even a President of brigands may look at your sister. All this family pride is very old-fashioned. (B. S h a w, Man and Superman, act III.)

Таннер:... сядьте снова на свое место и будьте полюбезнее. *Смотреть ни на кого не возбраняется*, и даже главарь разбойничьей шайки может смотреть на вашу сестру. Вся эта семейная гордость совершенно устарела.

Однако в следующем примере из Конрада такой перевод невозможен, ввиду наличия авторского комментария:

He was looking at Mrs. Anthony, *as unabashed as the proverbial cat looking at a King*. (J. C o n r a d, Chance, part II, ch. VI.)

Он смотрел на миссис Антони *без смущения, подобно той, вошедшей в поговорку* кошке, которая смотрела на короля.

Выражение *as dead as a door-nail* следует переводить 'бездыханный', 'без малейшего признака жизни'; однако в следующем отрывке из Диккенса мы вынуждены калькировать этот фразеологизм для передачи характерного для Диккенса художественного приема оживления омертвевшего образа.

Old Marley was *as dead as a door-nail*. Mind! I don't mean to say that I know of my own knowledge what there is particularly dead about a door-nail. I might have been inclined, myself,

Старый Марлей был мертв, как дверной гвоздь. Заметьте, я не хочу сказать, что мне лично известно, что дверной гвоздь является чем-то особенно мертвым. Я сам скорее склонен считать гвоздь от

to regard a coffin-nail as the dearest piece of ironmongery in the trade. But the wisdom of our ancestors is in the simile, and my unhallowed hands shall not disturb it, or the Country's done for. You will therefore permit me to repeat emphatically that old Marley was *as dead as a door-nail*. (Ch. Dickens, A Christmas Carol, Stave 1.)

гроба самым мертвым предметом из скобяных изделий. Но мудрость наших предков заложена в этом сравнении, и мои грешные руки не посягнут на него, иначе погибнет наша страна. Поэтому разрешите мне повторить со всей решительностью, что старый Марлей был *мертв, как дверной гвоздь*.

Оборот *hoist sail while the wind is fair* означает 'куй железо, пока горячо', но такой перевод невозможен в следующем предложении из романа В. Скотта "The Fortunes of Nigel" благодаря наличию в этом предложении синонима *strike while the iron is hot*. В этом случае также приходится прибегнуть к калькированию фразеологизма:

A man should strike while the iron is hot and *hoist sail while the wind is fair*. (W. Scott, The Fortunes of Nigel, Introduction.)

Куй железо, пока горячо и *поднимай паруса, пока дует ветер*.

• О буквализме

Калькирование принципиально отличается от буквализма. Калькирование—оправданный дословный перевод, буквализм же—дословный перевод, искажающий смысл переводимого выражения или рабски копирующий конструкции чужого языка и являющийся по существу насилием над тем языком, на который делается перевод. Поэтому буквализму должна быть объявлена беспощадная война. В статье «Как не следует переводить Маркса» Энгельс приводит следующий пример ошибочного перевода; «Когда несколько оксфордских студентов переплывали через Дуврский пролив на четырехвесельной лодке, то в газетных отчетах сообщалось, что один из них "caught a crab". Лондонский корреспондент „Kölnische Zeitung“ понял это выражение буквально и добросовестно сообщил в свою

газету, что „краб зацепился за весло“ одного из гребцов».⁴

Любопытно, что в первом издании русского перевода романа Голсуорси «Сдается в наем» (часть I, глава XII). предложение *Mont caught a little crab* переведено: Монт 'поймал небольшого краба', то есть сделана та же ошибка, о которой писал Энгельс.

Во втором издании перевода романа Голсуорси мы уже не находим «ловли крабов»; а видим правильное: 'у Монта сорвалось с уключины весло'.

Если в данном случае можно говорить об ошибке переводчика, которая в следующем издании была в какой-то мере исправлена, то иногда увлечение дословным переводом, гипертрофия дословного перевода, может привести к буквализмам.

Показательна в этом отношении книга «500 английских пословиц и поговорок»⁵. Составители почему-то считали нужным переводить дословно каждый английский фразеологизм. Наряду с дословным переводом часто дается русский эквивалент. В целом полезную книжку портят многочисленные буквализмы. Их, правда, меньше, чем в первом издании, но все же и в третьем издании они остались.

В книжке обнаруживаются буквализмы следующих типов: 1) искажение смысла английской пословицы из-за ее буквального перевода, то есть семантический буквализм. Правильный русский эквивалент не дается, например:

It is a long lane that has no turning 'дорога без поворотов длинна' (смысл: 'прямая дорога кажется длиннее, чем она есть').

На самом же деле английская пословица значит: 'перемелется—мука будет'; 'не все ненастье, проглотит и красное солнышко'.

2) в искаженном виде приводится русский эквивалент, что вызывается желанием во что бы то ни стало перевести буквально. Это ведет к лексическим и грамматическим буквализмам:

Kill the goose that lays the golden eggs 'убить гуся(!), несущего золотые яйца' (вместо 'убить курицу, несущую золотые яйца').

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI., ч. I, стр. 230.

⁵ «500 английских пословиц и поговорок». 3-е изд., М., 1958.

Look not a gift horse in the mouth 'дареному коню не смотри в рот' (вместо 'дареному коню в зубы не смотрят').

So many men, so many minds 'сколько людей, столько умов' (вместо 'сколько голов, столько умов').

Это примеры лексических буквализмов. Можно отметить также и буквализмы грамматические, как, например:

If you run after two hares, you will catch neither 'погодишься за двумя зайцами, ни одного не поймаешь' (вместо: 'за двумя зайцами погодишься, ни одного не поймаешь').

3) наряду с верным русским эквивалентом дается нелепый буквальный перевод:

Enough is as good as a feast '(иметь) вволю—все равно что пировать' (ср. 'от добра добра не ищут').

He knows how many beans make five 'он знает, сколько бобов в пяти штуках' (то есть 'понимает, что к чему').

Over shoes, over boots '(раз) выше ботинок, (то и) выше сапог' (ср. 'взялся за гуж, не говори, что не дюж').

Показателен следующий пример:

Blood is thicker than water 'кровь гуще воды' (то есть свой, своему брат'). Эту поговорку следовало бы дать в таком виде:

Blood is thicker than water 'кровь не вода' (ср. 'свой вбoему поневоле брат'). Так она и дается в «Англо-русском фразеологическом словаре (В-827)», который, к сожалению, составители плохо использовали. Мы подробно остановились на этой книжке, так как она наглядно иллюстрирует, что получается, когда неумело используется буквальный перевод.

«Обертональные» переводы

Большое место в «Англо-русском фразеологическом словаре» занимают переводы, которые мы называем «обертональными» («контекстуальные замены» по терминологии Я. И. Рецкера). «Обертональные» переводы—это своего рода окказиональный эквивалент, используемый для перевода фразеологизма только в данном контексте. Поэтому «обертональный» перевод дается в переводе цитаты, а не данного фразеологизма. Следует учитывать, что окказиональность данного эквивалента определяется исключитель-

но особенностями контекста и что в другом контексте аналогичный перевод может и не быть «обертональным», а полным или частичным эквивалентом. Нахождение «обертонального перевода», в отличие от использования готового эквивалента—творческий процесс.

Выражение *one's* (или *the*) *naked eye* переводится 'невооруженный глаз'. Однако такой перевод невозможен для передачи каламбура из романа Диккенса «Мартин Чезлит» (гл. XII):

"The most short-sighted man could see that at a glance, with his *naked eye*," said Martin. Mrs. Homini was a philosopher and an authoress, and consequently had a pretty strong digestion; but this hoarse, this indecorous phrase was almost too much for her. For a gentleman sitting alone with a lady—although the door was open—to talk about *a naked eye*!

Переводчица романа Диккенса Н. Л. Дарузес нашла прекрасное решение вопроса, использовав «обертональный» перевод:

«Увы, это *голая истина*, которая видна даже самому близорукому взгляду»,—сказал Мартин. Миссис Хомини была философ и писательница и, следовательно, могла переварить все, что угодно. Но эта грубая, неприличная фраза оказалась даже и для нее слишком сильной. Разве можно джентльмену, сидящему наедине с дамой, хотя бы и при открытых дверях, говорить о *голой истине*.

'Голая истина'—полный эквивалент оборота *the naked truth*. *Be on the level* означает 'быть честным, правдивым', но этот перевод должен быть заменен обертональным в следующем предложении:

...You better not get too struck on that Hortense Briggs. I don't think she's on the level with anybody. (Th. Dreiser, *An American Tragedy*, b. I, ch. XI.)

... Ты не очень бегай за этой Гортензией Бригс. Помоему, она *морочит всем голову*.

Библейский фразеологизм *the apple of one's eye* переводится 'зеница ока', например:

What did he know of her—he had only loved her all her life—looked on her as *the apple of his eye!* (J. Galsworthy, *To Let*, part III, ch. VIII.)

Что он знает о ней. Он так любил ее всю жизнь, берег ее, как зеницу ока”.

Однако в следующем отрывке из Диккенса этот библеизм используется саркастически карликом Куилпом как обращение и требует уже обертонального перевода. По этому пути и пошла переводчица Н. Волжина.

“Dick,” said the dwarf, thrushing his head in at the door—“my pet, my pupil, *the apple of my eye*, hey, hey!” (Ch. Dickens, *The Old Curiosity Shop*, ch. I.)

—Дик, —воскликнул карлик, просовывая голову в дверь,—мой любимец, мой ученик, *свет очей моих*.

Если бы библейский оборот ‘свет моих очей’ был дан как перевод выражения *the light of my eyes*, то он был бы его полным эквивалентом.

Иногда обертональность перевода заключается в деформации русского эквивалента, оправданной особенностями переводимого текста; например, оборот *borrowed plumes* переводится ‘ворона в павлиньих перьях’, но в следующем переводе В. Скотта в русский эквивалент вносится изменение:

It is E. whose life is once more in your hands—it is E. whom you are to save from being *plucked of her borrowed plumes*, discovered, branded, and trodden down, first by him, perhaps who has raised her to this dizzy pinnacle! (W. Scott, *The Heart of Mid-Lothian*, ch. XLVIII.)

Жизнь Э. опять в твоих руках. Ты должна спасти Э, и не допустить, чтобы она оказалась *вороной с ошипанными павлиньими перьями*, не допустить, чтобы ее разоблачили, заклеямили и втоптали в грязь, что, возможно, первым сделает тот, кто поднял ее на такую головокружительную высоту.

Выборочные эквиваленты

Часто у английского фразеологизма может быть несколько эквивалентов, и переводчику приходится выбирать наилучший для данного контекста.

Оборот *break the ice* переводится 'пробить лед', 'нарушить молчание', 'сделать первый шаг', 'положить начало (знакомству)'.
.

On the instant he was thinking how natural and unaffected her manner was now that *the ice between them had been broken*. (Th. Dreiser. An American Tragedy, book II, ch. XVII.)

Это предложение можно перевести при помощи полного эквивалента:

И Клайд подумал, как просто и естественно держится она теперь, когда *лед между ними сломан*.

Однако при переводе следующего предложения такой перевод невозможен.

They nodded to each other by way of *breaking the ice of unacquaintance*. (Th. Hardy, The Three Strangers.)

Они поклонились друг другу, чтобы *завязать знакомство*.

Шекспировское выражение *one's gorge rises at something* имеет одно значение, но переводится по-разному: 'вызывать отвращение, омерзение, возмущение', 'подступать к горлу', 'с души воротит от чего-л.'

Hamlet. Let me see (takes the skull). Alas, poor Yorick! I knew him, Horatio: a fellow of infinite jest, of most excellent fancy: he hath borne me on his back a thousand times; and now how abhorred in my imagination it is! *My gorge rises at it*. (W. Shakespeare, Hamlet, act V, sc.1.)

Гамлет: Дай взгляну. (берет череп в руки). Бедный Йорик. Я знал его, Горацио, это был человек бесконечного остроумия, неистощимый на выдумки. Он тысячу раз таскал меня на спине. А теперь это само отвращение и *тошнотой подступает к горлу*. (Пер. Б. Пастернака).

Soames's *gorge had risen* so that he could hardly speak. (J. Galsworthy, In Chancery part II, ch. IV.)

У Сомса что-то *подступило к горлу*, так что он с трудом мог заговорить.

Her *gorge rose* at the thought of that neglected state, into which the pariahs of society fall... (Th. Dreiser, *The Titan*, ch. XI.)

Mrs. Lutestring... There are moments when your levity, your ingratitude, your shallow jollity *make my gorge rise* against you. (B. Shaw, *Back to Methuselah*, part III.)

He had traveled from Detroit to Washington for a family wedding and it *made his gorge rise* to be told by the police either to leave town or to face charges. (A. Maltz, *A Long Day in a Short Life*, ch. VIII.)

Abas, the boy who remained faithful to him, knew how to cook only native food and Cooper, a coarse feeder, found *his gorge rise* against the everlasting rice. (W. S. Maugham, *The Outstation*.)

Ее *охватывало возмущение* при мысли о том презрении, с которым относятся к париям общества...

Миссис Лютстринг: ... Бывают моменты, когда ваше легкомыслие, ваша неблагодарность, ваше беспричинное веселье *вызывают во мне отвращение*.

Он проделал путешествие от Детройта до Вашингтона ради семейного торжества, и *его тошнило* от одной мысли, что ему надо по указке полиции покинуть город, чтобы избежать обвинения.

Абас, единственный, кто остался ему верен, умел готовить только туземные блюда—и, как ни был неприхотлив Купер, неизменный рис в конце концов *рсточертел ему*.

Во всех этих цитатах дан оптимальный вариант перевода.

Использование выборочных эквивалентов дает возможность переводчику не только выбирать оптимальный вариант, но и вносить разнообразие в перевод одного и того же фразеологизма, неоднократно употребляющегося автором в одном и том же произведении. Так, выражение *to*

cost a pretty penny переводится в разных главах романа Д. Голсуорси следующим образом:

She must *cost him a pretty penny* in dress. (J. Galsworthy, The Man of Property, part I, ch. I.)

...he merely said: He didn't know—he expected she *was spending a pretty penny* on dress. (J. Galsworthy, The Man of Property, part I, ch. VI.)

And he had heard that the house *was costing* Soames *a pretty penny* beyond what he had reckoned on spending. (J. Galsworthy, The Man of Property, part II, ch. IV.)

К этим примерам, взятым из одного произведения, можно добавить еще четыре примера из "In Chancery" Голсуорси, "Golden Miles" и "Winged Seeds" Причард, "The Catcher in the Rye" Сэлинджера. Эти примеры показывают, как широко можно использовать богатство русского языка при переводе английских фразеологизмов:

There was Val going to the university; he never came to see him now. He *would cost a pretty penny* up there. It was an extravagant age. And all the *pretty pennies* that his four grandchildren would cost him danced before James's eyes. (J. Galsworthy, In Chancery, part I, ch. V.)

Despite Dinny's offer this trip to the coast *would cost a pretty penny*... (K. S. Prichard. Golden Miles, ch. 25.)

Ее туалеты, должно быть, *недешево ему обходятся*.

... и он сказал, что не знает, но думает, что она тратит *уйму денег* на наряды.

Вот теперь говорят, что постройка дома *обходится* Сомсу куда дороже, чем он рассчитывал.

Вот и Вэл поступит в университет; он теперь и глаз сюда не кажет. *А каких денег будет стоить* это учение. Расточительный век. И все те *деньги, которых будут стоить* ему его четыре внука, заплясали перед глазами Джемса.

Хотя Динни и собирается оплатить поездку Дэна, это путешествие на побережье все равно *дорого ей обойдется*.

Costin' us a pretty penny takin' the case from the Supreme Court; but Bronc Finley reckons we'll get a verdict. (K. S. Prichard, *Winged Seeds*, ch. XXII.)

Mine came from Mark Cross, and they were genuine cowhide and all that crap and I guess they *cost quite a pretty penny* (J. Salinger, *The Catcher in the Rye*, ch. XV.)

Такой перевод вполне соответствует по своей стилистической направленности грубоватым высказываниям подростка—героя повести Сэлинджера.

Правильный выбор эквивалента дает возможность отразить и стилистическую разноплановость английских фразеологизмов: например, *by George* может переводиться 'ей-богу', 'боже мой', 'честное слово', а наряду с этим 'черт возьми', 'черт побери'.

Perhaps—perhaps, after all, they didn't get on, now! Must hope for the best. *By George*, but he felt tired! He would go to the car, and wait. (J. Galsworthy, *Swan Song*, part II, ch. III.)

Higgins. A new fashion, *by George!* And it ought to look horrible! (B. Shaw, *Pymalion*, act II.)

Перевод первого примера отражает сдержанный характер речи Сомса Форсайта, а второй—грубоватый стиль профессора Хиггинса.

Но это здорово бьет нас по карману—передать дело по всем инстанциям из суда штата в федеративный. Кстати Бронк Финли считает, что мы своего добьемся.

Мои-то чемоданы были куплены у Марка Кросса, настоящая кожа, со всеми онерами, и стоили они черт знает сколько.

Может быть—может быть они уже не ладят, как прежде. Надо надеяться на лучшее. Но, *боже*, как он устал. Пойти подождать их в автомобиле.

Хиггинс: Чем не новая мода, *черт побери*. А, ведь, казалось бы, что может быть ужаснее.

II. Перевод безэквивалентной фразеологии

Многие английские фразеологические единицы не имеют эквивалентов в русском языке. Это в первую очередь относится к фразеологизмам, обозначающим несуществующие

щие у нас реалии. При переводе подобных фразеологизмов использовались калькирование и описательный перевод. Калькирование дает возможность донести до русского читателя живой образ английского фразеологизма, что невозможно при использовании свободного необразного словосочетания, являющегося русским объяснением значения английского фразеологизма. Например: *The old lady of Threadneedle Street* шутливо ‘старая леди с Треднидл-стрит’ (английский банк). Пониманию перевода помогает примечание: Назван ‘старой леди’ из-за своего консерватизма (Треднидл-стрит—улица, на которой он находится). Перевод ‘английский банк’ не передает специфики данного фразеологизма. Ср:

When dinner was announced Mr. Dombey took down an old lady like a crimson pin-cushion stuffed with banknotes who might have been the identical old lady of Threadneedle Street, she was so rich and looked so unaccommodating... (Ch. Dickens, *Dombey and Son*, ch. XXXVI.)

Когда доложили, что обед подан, мистер Домби предложил руку старой леди, похожей на малиновую бархатную подушку для булавок, набитую банковыми билетами, которая могла сойти за подлинную леди с Треднидл-стрит — так была она богата и такой казалась непокладистой...

Такие прозвища, как *John Bull* ‘Джон Буль’, *Uncle Sam* ‘дядя Сэм’ и др. передаются с помощью калькирования.

Калькирование используется также для передачи фразеологизмов других типов, не имеющих эквивалентов, например, пословиц:

Better a witty fool than foolish wit.

He knocks boldly at the door who brings good news.
No one is a fool always, every one sometimes.

Лучше умный дурак, чем глупый мудрец (шекспировское выражение: Двенадцатая ночь, д. I, сц. 5).

Громко стучит в дверь тот, кто приносит хорошие вести.
Никто не бывает всегда дураком, а по временам бывает каждый.

Помимо калькирования, используется описательный перевод, то есть перевод фразеологизма при помощи свобод-

ного сочетания слов. Он особенно удобен для передачи оборотов терминологического характера, не допускающих буквального перевода:

cross the floor of the House (парл.) 'перейти из одной партии в другую'; *accept the Chiltern Hundreds* (парл.) 'слагать с себя полномочия члена парламента'; *kangaroo closure* (парл.) 'допущение председателем парламентской комиссии обсуждения лишь некоторых поправок к законопроекту' и др.

Описательный перевод при передаче образных выражений применяется в словаре редко, так как такой вынужденный перевод уступает подлиннику по яркости, хотя и верно передает его значение. Например, *red herring (a-cross the trail)* 'что-либо сбивающее со следа', 'намеренно отвлекающее внимание, отвлекающий маневр'.

You see how new I am
to politics. Wheat and meat
*are the red herrings across
the trail.* (J. Galsworthy,
Over the River, ch. XXXVII.)

Вы видите, какой я новичок в политике. Пшеница и мясо являются тем, что *отвлекает мое внимание.*

В заключение мы хотели бы остановиться на передаче в словаре национально окрашенной фразеологии. Оборот *carry coals to Newcastle* переводится следующим образом: 'возить уголь в Ньюкасл' (т.е. 'возить что-либо туда, где этого и так достаточно'; ср. 'ехать в Тулу со своим самоваром', 'морю воду прибавлять'). Дословный перевод фразеологизма понятен и дает возможность избежать ненужной руссификации, так едко высмеянной К. И. Чуковским в книге «Высокое искусство».

Оборот *what will Mrs. Grundy say?* переводится нейтрально 'что скажут люди'. Дословный перевод в данном случае не оправдан, так как имя миссис Гранди—персонаж комедии Т. Мортонa "Speed the Plough", персонажа, являющегося воплощением ходячей морали, мало что говорит русскому читателю.

В словаре мы не допускали руссификации английских фразеологизмов при переводе их на русский язык. Поэтому мы совершенно согласны с рекомендацией, данной в «Пособии по переводу с английского языка на русский»: «При переводе образных фразеологических единиц любого типа никогда не использовать русские фразеологизмы, содержащие специфические национальные реалии. Так, хотя

английские выражения *to carry coals [to Newcastle, what will Mrs. Grundy say]* по значению и стилистической окраске соответствуют русским оборотам 'ездить в Тулу со своим самоваром' и 'что будет говорить княгиня Марья Алексевна', последние не могут быть использованы при переводе. В самом деле, нелепо было бы заставить англичанина употреблять такие слова, как 'Тула' и 'самовар', или щеголять цитатами из «Горя от ума»⁶.

Автор стремился использовать в словаре все указанные выше виды перевода, конечно, с учетом опыта лучших советских переводчиков, для достижения полноценного перевода английских фразеологизмов.

Т. Р. Левицкая А. М. Фитерман
(Москва)

ГЛАГОЛЫ АДВЕРБИАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ И ИХ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Как известно, слово выражает понятие совокупностью своих форм и значений. В процессе своего развития слова расширяют свое значение, приобретают новые и становятся многозначными. При всей многозначности слова оно обычно употребляется в каждом конкретном случае в каком-нибудь одном своем значении. Если слово употребляется одновременно в двух значениях, то это является стилистическим употреблением слова. Такие стилистические приемы, как метафора, зевгма, или игра слов основаны на одновременном использовании двух значений слова: прямого и переносного, основного и производного, свободного или связанного, как часть фразеологического сочетания. Например, в метафоре: *heaven's blue smile* (Shelley, *The Cloud*) слово *smile* употребляется в прямом и переносном значении, и созданный поэтом образ является олицетворением неба. Яркость образа усиливается эпитетом *blue* 'лазурная улыбка неба'. В зевгме—*She fell into a chair and a fainting fit simultaneously* (Ch. Dickens, *Nicholas Nickleby*) глагол *fell* относится к слову *chair* и к словам *fainting fit*, с которыми он образует фразеологическое сочетание—'Она одновременно упала в кресло и в обморок'.

⁶ В. Н. Комиссаров, Я. И. Рецкер, В. И. Тархов. Пособие по переводу с английского языка на русский. М., 1960, стр. 64-65.

Не менее часто употребляется и игра слов, основанная на одновременном употреблении слова в двух значениях: "We must hang together or we shall all hang separately". (B. Frank in)

Глагол *to hang* употребляется во втором случае в свободном сочетании, а в первом—в связанном: *to hang together* 'быть едиными', 'держаться друг за друга'.

Примером поэтического употребления слова в двух значениях может служить глагол *to rise* в следующих строках стихотворения Шелли "To the Men of England":

Rise like lions from your slumbers
In unvanquishable numbers.

Глагол *to rise* в сочетании со словом *slumbers* значит 'пробудиться', а в сочетании с *unvanquishable* приобретает значение 'восстать на борьбу'.

Однако не следует смешивать намеренное стилистическое использование слова в двух значениях одновременно со словами, в которых постоянно присутствует какое-то дополнительное значение. Это явление особенно часто наблюдается в прилагательных и глаголах. Например, *bleak* не только 'холодный', но 'холодный и мрачный'; *trim* не только 'аккуратный', но и 'нарядный'. А *trim garden*—это не просто чистенький садик, который содержится в образцовом порядке, но садик, в котором все красиво посажено, красиво подстрижено и т. д. То же самое значение имеет прилагательное *trim* и в сочетаниях: *a trim cottage*, *a trim kitchen*.

В английском языке есть также много глаголов, в которых одновременно присутствует два значения, и обычно одно из них выражает действие, а другое его характеризует. Например, *to stare* 'пристально смотреть': *to glare* 'смотреть злобно', *to rumble* 'двигаться с грохотом', *to strut* 'гордо выступать'. Сюда же следует отнести и глаголы, образованные путем конверсии, например, *to shrill* 'произительно кричать'. Дополнительное значение присутствует тоже в таких глаголах, как: *to railroad*, *to snowball*; *to boomerang*. Однако отыменные глаголы составляют особую и очень обширную категорию, которая не будет рассматриваться в данной статье, посвященной анализу адвербиальных глаголов.

Дополнительное значение многих глаголов возникло не сразу, однако сейчас оно уже зафиксировано словарями.

Так, например, о глаголе *to rumble* словарь "Shorter Oxford" говорит следующее: "to move or travel with low rolling sound" late M. E.; to be conveyed in a rumbling vehicle, 1832. Глагол *to splash* (one's way), to make one's way across water зафиксирован в 1830 году в этом значении тем же словарем.

Многие глаголы приобретают такое дополнительное значение, описывающее характер действия, в контексте, в сочетании с дополнением, а особенно часто с предложным дополнением или обстоятельственным словом. Такие глаголы удобно называть «адвербиальными». Этот термин уже используется в учебнике английского языка для Института иностранных языков, составленном Э. И. Карр, Г. М. Уайзером и А. М. Фитерман, а также в учебниках английского языка МГПИИЯ под редакцией проф. И. Р. Гальперина.

Данная статья является попыткой рассмотреть адвербиальные глаголы, дать их классификацию и анализ, а также наметить возможные способы их перевода.

Среди адвербиальных глаголов следует различать глаголы, имеющие очень широкое употребление, в ряде случаев как бы ставшие фразеологическими сочетаниями, и глаголы, созданные индивидуальным употреблением. Примером первой группы являются такие глаголы, как: *to cry oneself to sleep*; *to bow somebody out of the room*; *to struggle into one's coat*; *to assist somebody into a coat*, и т. п. Например:

"He struggled into his coat and drove to the Gibsville club". (J. O'Hara, Appointment in Samarra); "He struggled into his bathrobe". (A. Cronin, Northern Light); "We rumbled slowly into a land of little wooded glens". (J. Buchan, The Thirty-nine steps.)

Количество таких глаголов в английском языке неуклонно увеличивается. Это свидетельствует о том, что они выполняют какую-то нужную функцию, возможно благодаря большой сжатости и в то же время большой выразительности. Вполне можно сказать, что употребление адвербиальных глаголов, как и широкое употребление слов, образованных путем конверсии, или употребление атрибутивных групп является характерной особенностью современного английского языка.

Индивидуальное употребление таких глаголов очень характерно для многих современных писателей. Под ин-

дидивдуальным употреблением здесь имеется в виду как использование некоторыми писателями адвербиальных глаголов, уже вошедших в язык (*to steam into, to puff up* и т. п.), так и стремление создавать новые по их образцу (*he prodded the cigarette to death on the ashtray*), что может рассматриваться как особенность стиля наравне с другими стилистическими приемами, типичными для данного писателя.

Адвербиальные глаголы очень разнообразны как по своей сочетаемости, так и по дополнительным значениям, которые в них заключаются или которые они приобретают в контексте. Они могут выражать характер действия, переход из одного состояния в другое, переход из одного места в другое, побуждение к действию и т. д., но во всех случаях действие неизменно характеризуется значением, заключенным в самом глаголе.

Очень многочисленную и разнообразную группу составляют адвербиальные глаголы, выражающие движение и одновременно его характеризующие. Среди них следует выделить группу глаголов, ставших настолько распространенными, что в них уже не ощущается индивидуальное употребление. Они также утратили свою оригинальность как стершиеся метафоры. Но несмотря на это, в них все же ощущается какая-то образность и динамичность. Например:

"The train steamed into the station". (Eddy, *The Family Affair*); "We steamed slowly down the river". (A. Huxley, *Crome Yellow*); "The Special Train suddenly puffed up the station". (B. W. Aldiss, *The Brichtfont Diaries.*); "He puffed up the stairs". (J. O'Hara, 10 Frederick Street.); "The car slowly bounced back to town". (D. Parker, *Here we are.*); "The train had leaped at curves and bounced along straightway". (Ibid.)

Глаголы *to steam, to bounce, to puff* и т. п. при описании движения поезда или парохода употребляются очень часто. Однако встречается и более оригинальное употребление подобных глаголов: Например: "The train panted into the station". (J. Steinbeck, *Stories.*)

Индивидуальным можно считать и употребление глагола *to snort* в следующем примере: "They were snorting out of West Bowlby now." (A. Huxley, *Crome Yellow.*)

Глагол *to pant*, отнесенный к слову *train*, становится

метафорой и придает большую выразительность описанию, точно так же как и глагол *to snort* во втором примере. Выразительность последнего усиливается тем, что он отнесен не к слову *train*, а к слову *they*, то есть к пассажирам поезда.

Такие адвербиальные глаголы, передающие звук, сопутствующий движению, очень употребительны. Выше уже говорилось об аналогичном значении глагола *to rumble*, зафиксированном NED еще в 1830 году. Но многие глаголы этого типа еще не зафиксированы в словарях:

“We jumped in the back seat and **clanked** into the town”. (J. Steinbeck, Stories); “Three minutes later, as we **were roaring** through the northern tunnels, an irate guard interviewed me”. (J. Buchan, The Thirty-nine Steps); “She **banged** out of the room”. (W. Saroyan, Stories); “When she **creaked** upstairs again all was quiet”. (M. Dickens, Happy Prisoner.)

В вышеприведенных примерах адвербиальные глаголы употреблены по-разному: в одном случае они характеризуют действие, совершенное самим подлежащим: *the train panted into the station, she creaked upstairs, she banged out of the room*; в другом случае наблюдается метонимический перенос: *we clanked, they were snorting, we were roaring...* Фактически действие совершается не подлежащим—пассажирами, седоками, а поездом, машиной. Такой метонимический перенос еще усиливает эффект, производимый адвербиальным глаголом, как уже указывалось выше.

Благодаря сжатости и экспрессивности этих глаголов все описание приобретает большую выразительность. Например, *She banged out of the room* гораздо выразительнее, чем *She banged the door and ran out of the room*, или *She creaked upstairs* выразительнее, чем *She went up the creaking stairs*.

Глаголы этой группы чаще всего выражают не просто движение, но переход из одного места в другое. Поэтому большинство из них употребляется с предлогами, указывающими направление движения. Это главным образом предлоги *into, out of, up to*. Например:

“He **stormed out** of the little restaurant”. (Ch. Gornham, The Wine of Life.); “He **danced her out into** a quiet corridor”. (K. O'Brien, Music and Splendour) или “Be-

fore she could answer Doris... **danced up to him**". (Baroness van Hutten, Maria); "My uncle Gorji **danced into the house**". (W. Saroyan, Stories.)

They bowed him out of the room—сочетание, ставшее уже привычным. В следующем примере встречается несколько более необычный вариант этого же сочетания: "A short Chinaman in a white coat **bowed them to a latticed booth**". (S. Maugham, Stories.)

В литературе встречается очень много случаев более оригинального употребления таких глаголов. Например: "Violet's old labrador **inched her way** out on her stomach from her hiding-place". (M. Dickens, Happy Prisoner.) Глагол *to inch one's way* образован по модели сочетания *to splash one's way* и подобных. Очень интересен следующий пример из романа К. O'Brien: "The crocodile **shuddered home**, under hailstones and through the ugly streets". (Автор описывает возвращение с урока пения воспитанниц пансиона, которые шли парами, длинной вереницей.) Такой же индивидуальный характер носит употребление адвербиальных глаголов и в следующих примерах:

"He slightly **stooped forward into the wind**". (Ch. Gorcham, Wine of Life); "We **burnt slowly into the town**". (J. Steinbeck, Stories); "He **had jumped her ashore**". (F. Swinnerton, The Tigress in Prothero.)

Отдельно следует отметить те случаи, когда адвербиальный глагол выражает прекращение или, наоборот, начало движения. Например:

"The train ...**rumbled to a halt**", "The train **slid to a halt**". (F. Swinnerton.); "... the wheels of our industry **grinding to a halt**". ("Daily Worker," The Profit and Power of Oil); "When one of us is directed into betrothal an enormous mass of machinery **creaks into motion**". (K. O'Brien.)

Очень большую группу составляют адвербиальные глаголы, выражающие переход из одного состояния в другое. По существу, глаголы, выражающие переход от движения к неподвижности или начало движения, могут быть отнесены к этой группе или рассматриваться как промежуточное звено. Вообще, границы между отдельными группами адвербиальных глаголов настолько зыбки в лексическом

отношении, что их нелегко определить. Всегда имеются глаголы, которые допускают различное толкование. Поэтому приводимое в статье деление на смысловые группы является, до некоторой степени, условным и отнюдь не может рассматриваться как нечто непреложное.

В этой группе также намечаются разные смысловые подгруппы. К первой подгруппе относятся такие глаголы, которые выражают принуждение или побуждение к действию, то есть являются каузативными глаголами. Это принуждение может носить даже и физический характер. Например:

“Some of them just lay down and died when picks and shovels were put into their hands, but the rest were **whipped into work...**” (R. Graves, I, Claudius); “The bosses think they can **bludgeon** the seamen **into submission**”. (“Daily Worker”); “The United States **had pushed** the United Nations **into** setting up a fact-finding committee on Laos”. (“Daily Worker”); “Jordania cannot be bullied or **blackmailed into** submission”. (“Daily Worker”); “Interviewing John Braine... I found a man eager to speak out on many more issues than the fearful H-bomb menace that first **angered him into** activity”. (“Daily Worker”); „She allowed her mother’s objections **to stampede her into** going”. (M. Renault, The Middle Mist.)

В этой группе тоже следует различать глаголы с зафиксированным в словаре адвербиальным значением и глаголы, употребляемые как адвербиальные по аналогии с ними. К первой группе относятся, например, такие глаголы, как: *to argue, to bully, to cajole, to coax, to talk (into or out of something)*. Например: глагол *to talk* в словаре “Concise Oxford Dictionary” в пятом значении имеет следующую помету: “bring into specified condition etc. by talking —I’ll talk you to a standstill”.

Ко второй группе можно отнести такие глаголы, как *to bludgeon into, to shock into, to whip into, to anger into* и т.д. Как видно из примеров, они представляют собой довольно большое семантическое разнообразие.

Следует отметить, что хотя адвербиальное значение глаголов первой группы зарегистрировано словарями, можно привести много примеров их употребления в оригинальных и неожиданных сочетаниях. Это как бы возвращает им стершуюся яркость и экспрессивность.

"And the logs... smouldered in dull fashion, needing the bellows to coax them into life". (D. Du Maurier, Parasites); "After coaxing Lord Copper into an uncompromising denunciation of the Prime Minister's public and private honesty..." (F. Waugh, Scoop); "...ready in spite of all to be embraced and cajoled into a lessened sense of wrong and discomfort". (Fr. Swinnerton.)

В языке обычно наблюдается тенденция подменять какой-либо уже стершийся элемент сочетания более свежим или необычным или создавать новые сочетания по этому образцу. Например, *to bring home, to drive, to hammer, to ram home*. То же самое наблюдается и в отношении адвербиальных глаголов. По образцу *to talk out of (into)* возникают сочетания *to laugh, to joke out of (into)*. Пример:

"He was trying to jolly Susan out of her fright". (M. Dickens); "The man teased her out of making a scene". (Fr. Swinnerton), "He liked to kid people into thinking."

Употребление глагола *to kid* в адвербиальном значении еще не отмечено словарями. Однако частота его употребления в таком значении заставляет полагать, что это уже не индивидуальное употребление в речи. Например, "Let no one be kidded into thinking". (J. Steinbeck, Stories.)

Сочетание *to lull (in) to sleep* является уже установившимся сочетанием. Например: "They read murder stories to lull themselves to sleep". (M. Renault.)

Однако по этому образцу создаются и индивидуальные сочетания: "...until the good-natured Gioia had almost to slap him into silence and sleep". (K. O'Brien.)

Нижеследующие примеры тоже являются индивидуальными случаями употребления адвербиальных глаголов этой группы:

"Oliver decided to try and shock her out of her mood". (M. Dickens); "...a vicious dispassionate streak of lightning shocked all three of them out of whatever private areas they have entered". (Ch. Gorham); "...and struck a chord which started Marjorie out of her seat". "A mad draft of air swept the compartment and blew the other travellers into consternation". (Fr. Swinnerton); "Ga-

les **whipped** the seas **to** fury". ("Daily Worker"); "He made a courtly bow which Chris was **hypnotised into** returning". (J. Priestley, Very Heaven.)

Очень интересны по своему характеру следующие примеры:

"...an elder brother who **had flunked out** of law school". (D. Du Maurier); "He **flunked out** of Westpoint". (J. Flexner, The Pocket History of American Painting.)

Приведенные примеры показывают, что каузативные адвербиальные глаголы могут выражать причину, вызвавшую состояние беспокойства, тревоги, гнева, изумления или побудившую к какой-нибудь энергичной деятельности и т. п. Например: *blew into consternation, angered into activity, whipped into fury* и т. д. Но они также выражают причину перехода из активного состояния в пассивное, от бодрствования ко сну: *the child cried itself to sleep*.

Можно выделить еще одну подгруппу адвербиальных глаголов этой категории. Это глаголы, которые по своей семантике не являются каузативными, но в их использовании выступает способ или средство, при помощи которого происходит этот переход из одного состояния в другое. Например, очень обычным является сочетание *to pat one's hair into order*. Но глагол *to pat* употребляется и в других смысловых сочетаниях, как-то: "...watching her **pat** the cushions **into** place on the long chair". (D. Du Maurier) Аналогично употреблен глагол *to touch* в примере: "Her hair, for the last time with the aid of a hand-mirror, **was touched into** brilliant perfection". (F. Swinerton.)

Глаголы *to pat* и *to touch* в этих примерах являются синонимами. Столь же ярко выступает этот характер значения адвербиального глагола и в следующем примере: "She vigorously **toweled** her skin **into** glowing health") (E. Gardner, The Case of a Nervous Accomplice.)

К этой подгруппе можно отнести следующий пример: "The electric door catch **buzzed** the door **open**". (E. Gardner.)

В этом случае адвербиальный глагол является каузативным, а также характеризует и самое действие. Очень интересны следующие два примера, особенно последний, своей необычностью употребления адвербиального глагола:

“...the old driveway now discarded and **bulldozed into the lawn**”. (Le Gette Blythe, Call down the Storm); “...so lightly they kissed and turned away to wash and **cold-cream themselves back into** the ordinary Roman night”. (K. O'Brien.)

В последнем примере речь идет о певицах римской оперы, которые после спектакля прошли в уборную, чтобы снять с себя грим при помощи кольд-крема.

Можно привести еще ряд адвербиальных глаголов, которые выражают причину и следствие: “Quietly she **sang herself that night into fame**”.

Аналогичный пример взят из газеты “Дейли Уоркер”: “Mary Bignal is **long-jumping her way to victory**”; “Employers claimed a rise of this size would **price them out of the market**”, (“Daily Worker”); “Laval ...will have the French Chamber and Senate meet and **vote themselves out of existence handing over all powers to Marshal Petain**”. (W. Shirer, Berlin Diary.)

Совсем особую группу образуют адвербиальные глаголы обычно непереходные, но употребленные с прямым дополнением и предлого-наречием в качестве переходных:

“Tom could **laugh everything off**”. (Fr. Swinnerton); “I can't **laugh things off**”. (A. Christie, Towards Zero); “The complacent Mr. Brooke should not find it so easy to **smile it off**”. (J. Wellard, The Affair in Arcady.)

Сюда же можно отнести и следующие примеры:

“When the perambulator comes into the hall”—and he **waved the rest of the quotation away**”. (Vicky Baum, Mortgage on Life); “He **shrugged away the phrase**...” (Ibid.)

Глагол *to wave* обычно употребляется с зафиксированными дополнениями: hand, handkerchief. Его употребление со столь необычным дополнением превращает его в глагол адвербиального значения. То же можно сказать и о глаголе *to shrug*: I **shrugged the stare off**...” (R. Chandler, The High Window.)

Следует особо оговорить глаголы, которые приобретают контекстуальные адвербиальные значения, но их трудно отнести к какой-либо из вышеупомянутых категорий. Например: “He **crooked a sausage finger at the waiter**.—“Bring me a large whisky”. (D. Parker.)

Обычное значение сочетания *to crook a finger* в данном случае приобретает дополнительное значение благодаря предложному дополнению и выражает не только действие, но и его цель—поманить официанта. Своеобразно употребление адвербиального глагола и в следующем примере:

“And some fifty feet below them... the Hotel Benito **blazed into the water**” (M. Kennedy, *The Fool of the Family*.)

Благодаря своеобразию своей семантики адвербиальные глаголы представляют собой сложную и интересную проблему для переводчика. Перевод этих глаголов на русский язык осложняется еще и тем, что в русском языке нет аналогичного явления. И хотя от переводчика в каждом случае требуется индивидуальный подход, все же интересно проанализировать возможности перевода этих глаголов и наметить некоторые закономерности.

Прежде всего следует отметить, что поскольку эти глаголы выражают одновременно два значения, для передачи обоих значений в переводе требуется введение дополнительного слова или слов.

Рассмотрим отдельные группы адвербиальных глаголов с точки зрения перевода в том порядке, в каком они были описаны выше.

В первую очередь будут рассмотрены способы перевода глаголов, которые выражают движение и одновременно характеризуют его.

“When the dawn broke over the devastated buildings, an army of lorries **rumbled into** the town bringing aid from outside”. (“Daily Worker”.)

Когда над разрушенными зданиями забрезжил рассвет, в город с *грохотом* въехала колонна грузовиков, чтобы оказать помощь пострадавшим.

“We **steamed slowly down** the river”. (A. Huxley.)
Мы медленно *ехали* на *пароходике* вниз по реке.

“The special train suddenly **puffed up to** the station”. (B. Aldiss.)

Вдруг к станции *пыхтя* подошел специальный поезд.

“The car slowly **bounced back to** town”. (D. Parker.)
Прыгая по ухабам, машина медленно *возвращалась* в город.

Во всех этих примерах адвербиальные глаголы переведены глаголами движения: *rumbled* 'въехали'; *steamed* 'ехали'; *puffed up* 'подошел'; *bounced back* 'возвращались'. Характер движения передан дополнительными словами, но во всех случаях по-разному. В первом и во втором случаях существительными с предлогом, выражающими образ действия: 'с грохотом', 'на пароходике'. В третьем и четвертом случаях—депричастиями: 'пыхтя', 'прыгая по ухабам'. В последнем случае для полной передачи значения глагола *to bounce* потребовалось введение обстоятельственных слов—'по ухабам'.

По такому же принципу переводятся адвербиальные глаголы, имеющие более индивидуальный характер. Например:

She **banged out** of the room" (W. Sar'oyan.)

Она **вышла** из комнаты, *хлопнув дверь*.

"When she **creaked upstairs** again all was quiet". (M. Dickens.)

Когда она снова **поднялась** наверх *по скрипучим ступенькам*, все было тихо.

"Three minutes later when we were **roaring** through the northern tunnels, an irate guard interviewed me". (Buchan.)

Три минуты спустя, когда мы *с ревом мчались* по северным туннелям, разгневанный проводник начал допрашивать меня.

Глаголы следующей группы выражают переход из одного места в другое, а их адвербиальное значение выражает характер действия.

"He **danced her out into** a quiet corridor". (K. O'Brien.)
Танцую с ней, он увел ее в пустой коридор.

"A short Chinaman in a white coat **bowed them to** a latticed booth".

Маленький китаец в белой куртке *с поклонами* подвел их к отделенному трельяжем столику.

"Violet's old labrador **inched her way out** on her stomach from her hiding-place". (M. Dickens.)

Старый пес Вайолет *понемногу* **выползал** на животе из своего убежища.

"He **stormed out** of the little restaurant". (Ch. Gorham.)
Он, *как ураган*, **вылетел** из ресторана.

В этом примере в глаголе *to storm* совмещается два дополнительных значения: быстрого и шумного движения.

"The crocodile **shuddered home** under hailstones and through the ugly streets". (K. O'Brien.)

Дрожа от холода под градом, пансионерки **шли домой** парами, длинной вереницей, по уродливым улочкам.

"He slightly **stooped forward into** the wind". (Ch. Goham.)

Слегка *наклонившись* вперед, он шел против ветра.

"He **had jumped her ashore**". (F. Swinnerton.)

Он **спрыгнул** на берег, *держа ее на руках*.

Адвербиальные глаголы во всех этих примерах переданы глаголами движения: 'увел', 'подвел', 'выползал', 'вылетел', 'шли', 'шел', 'спрыгнул'. Их адвербиальное значение в некоторых случаях передано деепричастиями: 'танцую', 'дрожа', 'наклонившись', 'держа', а в некоторых случаях введены еще дополнительные слова—'дрожа от холода', 'держа ее на руках'. В других примерах адвербиальное значение передано существительным с предлогом или союзом: 'с поклоном', 'как ураган', и наречием—'понемногу'.

Адвербиальные глаголы, выражающие начало или прекращение движения, тоже представляют интерес с точки зрения перевода.

"The train **slid to a halt**".

Поезд *плавно* остановился.

"When one of us is directed into betrothal, an enormous mass of machinery **creaks into motion**". (K. O'Brien.)

Когда одного из нас заставляют обручиться, то в движение *со скрипом* приходит огромная машина.

Адвербиальное значение глагола передается наречием, обстоятельственными словами: в первом случае—'плавно', во втором случае—существительным с предлогом—'со скрипом'. Перевод деепричастием нежелателен во втором случае из-за фонетических соображений.

Не меньшую трудность представляет перевод каузативных адвербиальных глаголов. Как уже указывалось, среди них встречаются глаголы, адвербиальное значение которых

уже зафиксировано в словарях: *to argue, to talk, to bully to cajole, to coax etc. (into or out of something)*.

Другие глаголы этой группы носят индивидуальный характер. Ниже будут рассмотрены возможности передачи значения таких глаголов в переводе.

"The bosses think they can **bludgeon** the seamen **into** submission". ("Daily Worker").

Хозяева думают, что они могут **заставить** моряков подчиниться при помощи *грубой силы*.

Глагол *to bludgeon* приобрел очень широкое распространение в современном языке, особенно в связи с обострением классовой борьбы и забастовочного движения. В нем появилось вторичное переносное значение, которое проявляется в его употреблении в качестве адвербиального глагола с предложным дополнением—*to bludgeon into something*. В данном примере его глагольное значение передано глаголом 'заставить', а адвербиальное—обстоятельными словами 'грубой силой'. Кроме того, существительное *submission* переведено неопределенной формой глагола 'подчиниться'. Глагол *to bully*, адвербиальное значение которого уже отмечено словарями, употребляется в следующем примере как один из членов аллитеративной пары: *to bully or to blackmail*.

Второй глагол *to blackmail* еще не отмечен словарями как адвербиальный, но употребляется как таковой в сочетании с предлогом и предложным дополнением. Его адвербиальное значение еще усиливается употреблением в аллитеративной паре.

"Jordania cannot be **bullied** or **blackmailed** into submission". ("Daily Worker").

Иорданию нельзя **заставить** подчиниться *ни силой, ни шантажом*.

Принцип перевода совершенно такой же, как и в предыдущем случае—при помощи глагола и обстоятельственных слов.

В следующем примере глагол *to blackmail* употребляется как адвербиальный уже не в сочетании, а самостоятельно:

"He refused to be **blackmailed** into silence". (Ngaiio Marsch, Death and the Dancing Footman.)

Он отказался молчать, несмотря на *шантаж*.

Для передачи значения адвербиального глагола *to blackmail* приходится прибегнуть к замене частей речи.

В следующем примере адвербиальный глагол выражает прямое физическое принуждение:

Some of them just lay down and died when picks and shovels were put into their hands, but the rest were **whipped into work**". (R. Graves, I, Claudius.)

Когда им давали кирки и мотыги, некоторые просто ложились на землю и умирали, а остальные принимались за работу *под ударами бича*.

Безусловную трудность представляет для перевода индивидуально образованный адвербиальный глагол *to anger into*:

"Interviewing John Braine... I found a man eager to speak out on many more issues than the fearful H-bomb menace that first **angered him into activity**". ("Daily Worker".)

Когда я брал интервью у Джона Брейна, я увидел, что это человек, готовый высказать свое мнение по ряду вопросов, а не только по поводу угрозы страшной водородной бомбы, угрозы, которая *пробудила его гнев* и заставила его действовать.

Двойное—глагольное и адвербиальное—значение этого глагола передано в переводе двумя глаголами и существительным, которое является дополнением к первому глаголу. Предложное дополнение адвербиального глагола (*into activity*) передано глаголом в неопределенной форме.

Выше говорилось о том, что хотя каузативное значение некоторых глаголов этой группы уже отмечено в словарях, бывают интересные случаи их индивидуального употребления, например:

"And the logs... smouldered in dull fashion, needing the bellows **to coax them into life**". (D. Du Maurier.)

В данном примере слово *light*—один из элементов привычного сочетания *to coax fire (in)to light* — подменено в целях большей живости описания словом *life*. Поэтому при переводе желательно сохранить метафору:

И поленья едва тлели, нужны были раздувательные мехи, чтобы *вдохнуть в них жизнь*.

Возможен и другой вариант сохранения метафоры при помощи антонимического перевода и переноса метафоры в первое предложение.

Огонь в камине *умирал*, и нужны были раздувательные мехи, чтобы заставить его разгореться.

Глаголы *to coax*, *to cajole (into, out of)* обычно переводятся глаголом 'уговаривать' (лестью, лаской и т. п.).

"...ready in spite of all to be embraced and **cajoled into** a lessened sense of wrong and discomfort". (Fr. Swinerton.)

.... несмотря на это, она хотела чтобы ее обняли и *приласкали* и заставили не так остро чувствовать обиду и неловкость.

В данном примере глагол *to cajole* употребляется в очень необычном сочетании и при переводе требуется замена почти всех частей речи. Адвербиальный глагол и в данном случае переводится двумя глаголами.

Употребление глаголов *to jolly*, *to tease (out of something)* в качестве адвербиальных является чисто индивидуальным.

"He was trying to **jolly Susan out of** her fright". (M. Dickens.)

Он старался *шутками* заставить Сюзан позабыть об ее страхе.

Перевод сделан на основе тех же принципов—двумя глаголами и обстоятельственным словом.

"The man **teased her out of** making a scene". (Fr. Swinerton.)

Он *подшучивал* над ней, чтобы она не устроила ему сцены.

В данном случае адвербиальный глагол переведен одним глаголом, а его прямое и предложное дополнение переданы придаточным предложением цели в сослагательном наклонении.

Глагол *to lull* с дополнением *to sleep* тоже превратился в установившееся сочетание, но по этому образцу создаются необычные, оригинальные сочетания. Например:

"... until the good-natured Gioia had almost to **slap him into silence and sleep**". (K. O'Brien.)

... пока добродушная Джойя чуть ли не была вынуждена **отшлепать** его, **чтобы заставить замолчать и заснуть**.

Несомненный интерес представляет употребление глагола *to shock* в качестве адвербиального.

"Oliver decided to try and **shock her out of her mood**". (M. Dickens.)

Оливер решил сделать попытку **сильно потрясти ее, чтобы вывести из (подавленного) состояния**.

В обоих примерах адекватный перевод достигается при помощи глагола действия и инфинитива цели.

Адвербиальное значение глагола иногда пропадает в переводе в силу его необычной сочетаемости, например:

"A mad draft of air swept the compartment and **blew the other travellers into consternation**". (F. Swinnerton.)
Резкий порыв ветра **ворвался** в купе и **привел** остальных путешественников **в ужас**.

В переводе исчезает яркое и неожиданное употребление адвербиального глагола *to blow*, переданное двумя глаголами.

Необычное адвербиальное значение глагола *to hypnotise (into)* может быть передано в следующем примере сравнением:

"He made a courtly bow which Chris was **hypnotised into returning**." (J. Priestley.)

Он низко поклонился, и Крис, словно **загипнотизированный**, ответил поклоном.

Следует рассмотреть возможности перевода адвербиальных глаголов, которые выражают причину перехода из одного состояния в другое, или способ такого перехода. Например:

"... watching her **pat the cushions into place** on the long chair". (D. Du Maurier.)

Он наблюдал, как она, **взбивая** подушки, **укладывала** их на место на кушетку.

Адвербиальное значение глагола *to pat into* передано деепричастием. Очень интересен и следующий пример:

"Her hair, for the last time with the aid of a hand-mirror was **touched into** brilliant perfection". (F. Swinerton.)

Глядя в ручное зеркало, она в последний раз **прикоснулась к волосам, чтобы привести прическу** в состояние полного совершенства.

И в этом случае адвербиальное значение глагола *to touch (into)* передано глаголом действия и инфинитивом цели.

Придаточным или сочиненным предложением передается адвербиальное значение глагола и в следующем случае:

"She vigorously **toweled her skin into** glowing health". (E. Gardner.)

Она энергично **растерла** себя полотенцем, так что (и) *ее кожа приобрела* здоровый розовый оттенок.

Кроме того, пришлось прибегнуть к замене частей речи при переводе: *glowing health*—'здоровый, розовый оттенок'. Перевод глагола *to towel*, образованного путем конверсии, потребовал введения дополнительного слова (полотенцем), так же как и перевод сочетания *glowing health*.

В нижеследующих двух примерах очень ярко выступает способ, при помощи которого происходит переход из одного состояния в другое:

"...the old driveway now discarded and **bulldozed into** the lawn". (Le Gette Blythe.)

Старая дорога к дому, по которой теперь не ездили, была **сравнена бульдозером и превращена** в лужайку.

Адвербиальный глагол *bulldozed* передан двумя глаголами с дополнениями.

Не менее интересен и следующий пример из романа Кэт О'Брайен:

"...so lightly they kissed and turned away to wash and **cold-cream** themselves into the ordinary Roman night".

В этом примере оба глагола *to wash* и *to cold-cream* употреблены как адвербиальные.

—Они на лету поцеловались и прошли в артистическую уборную **умыться и снять с себя грим кольд-кремом, чтобы вернуться** к обычной жизни ночного Рима.

Многие адвербиальные глаголы очень отчетливо выражают причину и следствие, что, конечно, должно быть отражено и в переводе. Например:

"...an elder brother who **had flunked out of law school**".
(D. Du Maurier.)

(У него был) старший брат, который **провалился на экзаменах** и *был за это исключен* с юридического факультета.

Адекватность перевода достигается при помощи двух глаголов в активной и пассивной форме и обстоятельственного предложного сочетания—'за это'.

Не менее интересны и следующие примеры:

"Quietly, quietly she **sang herself that night into fame**".
Она *так пела, что незаметно для себя* в этот вечер стала знаменитой певицей.

Значение адвербиального глагола передано придаточным предложением, выражающим результат.

Совершенно аналогичный пример встретился в газете "Дейли Уоркер":

"Mary Bignal is **long-jumping her way to victory**".

В состязании **по прыжкам в длину** Мэри Бигнол **выходит** на первое место.

Трудность перевода усугубляется тем, что глагол *to long-jump* образован путем конверсии. Из-за этого все предложение при переводе потребовало перестройки.

Теперь следует рассмотреть возможности перевода адвербиальных глаголов, употребленных с прямым дополнением или предлого-наречием, в качестве переходных. Обычно в семантическом отношении они ограничены глаголами: *to laugh, to smile, to shrug, to wave (something off или away)*.

"Tom could **laugh everything off**". (F. Swinnerton.)

Том мог от всего **отделаться смехом**.

"The complacent Mr. Brook should not find so easy to **smile it off**". (A. Christie)

Самодовольному мистеру Бруку окажется не так-то **легко отделаться от всего улыбкой**.

Глаголы *to laugh, to smile (off)* обычно переводятся сочетанием 'отделаться смехом (улыбкой, шуткой)':

"He shrugged away the phrase". (R. Chandler.)

Пожав плечами, он отмахнулся от этой фразы.

"When the perambulator comes into the hall"—and he waved the rest of the quotation away". (V. Baum.)

"—Когда колясочку вкатят в холл"—и, сделав жест рукой, он, словно отмахиваясь, не закончил цитаты.

По своему существу, по своей семантике и по способу перевода эти глаголы (*to wave, to shrug away something*) очень близки к глаголам *to smile, to laugh (off something)*.

В заключение попытаемся дать перевод тех адвербиальных глаголов, которые по своему значению не могут быть отнесены ни к какой из намеченных групп.

"He crooked a sausage finger at the waiter—"Bring me a large whisky". (D. Parker.)¹

Согнув похожий на сосиску палец, он поманил официанта...

В данном случае опять используется перевод деепричастием и глаголом.

"And some fifty feet below them... the Hotel Benito blazed into the water". (M. Kennedy.)

А под ними, на пятьдесят футов ниже, в воде отражался сверкающий огнями отель Бенито.

В этом случае адвербиальное значение глагола, по существу, является атрибутивным и передано определением—причастным оборотом с дополнением.

В заключение следует суммировать наиболее характерные способы передачи значения адвербиальных глаголов в переводе. Они могут переводиться:

1. Глаголом движения и обстоятельственными словами, выражающими образ действия ('с грохотом', 'пыхтя', 'плавно'). Это могут быть существительные с предлогами, деепричастия, наречия, а также и сравнения (как, словно и т. д.).

2. При помощи замены частей речи.

3. При помощи предложной группы (несмотря на).

4. Двумя глаголами, иногда в разных залогах.

5. Двумя глаголами с дополнением.

6. Инфинитивом цели.

7. Придаточными предложениями цели и результата.

8. Сочиненным предложением.

9. Установившимися сочетаниями (отделаться улыбкой, смехом и т. д.).

10. Определением.

Таким образом, адекватный перевод адвербиальных глаголов достигается при помощи лексических и грамматических замен. Однако указанные способы перевода, конечно, не исчерпывают всех возможных случаев, тем более что в употреблении адвербиальных глаголов очень много индивидуального. Здесь намечены только наиболее типичные способы перевода, которые отражают семантическое разнообразие этих глаголов и выражаемые ими лексико-грамматические отношения.

Как уже указывалось выше, адвербиальные глаголы являются характерной особенностью словоупотребления отдельного писателя. Примеры, приведенные в данной статье, взяты из произведений английских и американских писателей за последнюю четверть века. Однако повторение одних и тех же имен говорит не о том, что авторы ограничились сбором материала произведениями этих писателей, а о том, что у них адвербиальные глаголы встречаются особенно часто.

Тот факт, что эти глаголы употребляются и английскими и американскими писателями и в равной степени и журналистами, безусловно свидетельствует о какой-то общей тенденции современного английского языка.

II. Проблемы художественного перевода

Л. С. Бархударов
(Москва)

О ЛЕКСИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЯХ В ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ

(на материале перевода И. А. Буниным
«Песни о Гайавате» Г. Лонгфелло)

Вопрос о средствах и путях достижения адекватности при переводе поэтических произведений один из наименее разработанных в теории художественного перевода. Строгие ограничения, налагаемые на поэтические произведения в силу специфики самого жанра, необходимость передать в переводе не только содержание, но и ритмико-мелодическую и композиционно-структурную сторону подлинника, бóльшая, чем в прозе, зависимость поэтического произведения от особенностей языка, на котором оно написано, — все это делает перевод поэзии одной из наиболее трудных областей переводческой деятельности. Тем более важным представляется с точки зрения как теории, так и практики перевода анализ лучших образцов перевода поэтических произведений с целью установления путей и средств достижения адекватности, применяемых опытными и талантливыми переводчиками.

Всякого, кто читал русский перевод поэмы Лонгфелло «Песнь о Гайавате», сделанный И. А. Буниным, и сравнивал его с подлинником, не могла не поразить исключительно высокая точность перевода, его порою поразительная близость к подлиннику — при высоких художест-

венных достоинствах перевода. Именно это обстоятельство и побудило нас обратиться к бунинскому переводу «Песни о Гайавате» как к материалу для исследования. Нам хотелось выяснить, какими путями, при помощи каких приёмов достигает И. А. Бунин столь высокой степени адекватности перевода этого замечательного памятника американской поэзии, при этом нигде не впадая в буквализм, в рабское копирование подлинника.

Сам И. А. Бунин пишет следующее в предисловии к своему переводу поэмы Лонгфелло: «Я всюду старался держаться возможно ближе к подлиннику, сохранить простоту и музыкальность речи, сравнения и эпитеты, характерные повторения слов и даже, по возможности, число и расположение стихов. Это было нелегко: краткость английских слов вошла в поговорку; иногда приходилось сознательно жертвовать лёгкостью стиха, чтобы из одной строки Лонгфелло не делать нескольких. С другой стороны, некоторые стихи подлинника почти слово в слово укладывались в русские....».¹

Рамки краткой статьи не дают возможности подвергнуть рассмотрению все или хотя бы наиболее важные проблемы, связанные с вопросом об адекватности художественного перевода. Мы сознательно ограничили себя исследованием только одной стороны вопроса, а именно проблемой лексических соответствий. Нами был проделан сплошной анализ лексических соответствий в бунинском переводе текста вступления в поэму Лонгфелло (115 строк подлинника). Результаты анализа изложены в настоящей статье. Прежде чем приступить к их изложению, для удобства читателей дадим сначала полностью текст английского подлинника вступления в «Песнь о Гайавате» параллельно с русским переводом И. А. Бунина (строки русского перевода, по возможности, даны напротив соответствующих строк английского подлинника).

- ¹ Should you ask me, whence Если спросите — откуда
these stories?
Whence these legends and tra- Эти сказки и легенды
ditions,

¹ См. Г. Лонгфелло. Песнь о Гайавате. Пер. с английского И. А. Бунина, Гослитиздат, 1955, стр. 5.

With the odours of the forest,
With the dew and damp of
meadows,

⁵ With the curling smoke of
wigwams,

With the *rushing* of great ri-
vers,

With their *frequent repetitions,*

And their wild reverberations,
As of thunder in the moun-
tains?

¹⁰ I should answer, I should
tell you,

"From the forests and the
prairies,

From the great lakes of the
Northland,

From the land of the Ojib-
ways,

From the land of the Daco-
tahs,

¹⁵ From the mountains, moors,
and fenlands,

Where the heron, the Shuh-
shuh-gah,

Feeds among the *reeds* and
rushes,

I repeat *them* as I heard them

From the lips of Nawadaha,

²⁰ The musician, the sweet
singer."

Should you ask where Nawa-
daha

Found *these songs* so wild and
wayward,

Found *these legends and tradi-
tions,*

I should answer, I should tell
you,

²⁵ In the birds'-nests of the
forests,

С их лесным благоуханьем,
Влажной свежестью доли-
ны,

Голубым дымком вигвамов,

Шумом рек и водопадов,

Шумом, диким и *стозвуч-
ным,*

Как в горах раскаты гро-
ма? —

Я скажу вам, я отвечу:

"От лесов, *равнин* пустын-
ных,

От озер Страны Полноч-
ной,

Из страны Оджибуэев,

Из страны Дакотов диких,

С гор и *тундр,* с болот-
ных топей,

Где среди *осоки* бродит,

Цапля сизая, Шух-шух-га,

Повторяю эти сказки,

Эти *старые преданья*

По напевам сладкозвучным
Музыканта Навадаги".

Если спросите, где слы-
шал,

Где нашел их Навадага, —

Я скажу вам, я отвечу:

"В гнездах певчих птиц,
по *рощам,*

In the lodges of the beaver,
In the hoof-prints of the bi-
son,
In the eyry of the eagle!

"All the wild-fowl sang them
to him,
³⁰ In the *moorlands* and the
fenlands,
In the melancholy marshes;

Chetowaik, the plover, sang
them,
Mahng, the loon, the wild-
goose, Wawa,
The blue heron, the Shuh-
shuh-gah,
³⁵ And the grouse, the Mush-
kodasa!"
If still further you should ask
me,

Saying, "Who was Nawadaha?
Tell us of this Nawadaha,"
I should answer your inquiries
⁴⁰ Straightway in such words
as follow.

"In the vale of Tawasentha,
In the green and silent *valley*,
By the pleasant water-courses,
Dwelt the Singer Nawadaha.

⁴⁵ Round about the Indian vil-
lage

Spread the *meadows* and the
corn-fields,

And beyond them stood the
forest,

Stood the groves of singing pi-
ne-trees,

Green in Summer, white in
Winter,

⁵⁰ *Ever* sighing, *ever* singing.

На прудах, в норах боб-
ровых,
На лугах, в следах бизо-
нов,
На скалах, в орлиных
гнездах.

Эти песни раздавались

На болотах и на топях,

В *тундрах* севера печаль-
ных:

Читовейк, зук, там пел
их,

Манг, нырок, гусь дикий,
Вава,

Цапля сизая, Шух-шух-га,

И глухарка, Мушкодаза."

Если б дальше вы спроси-
ли:

"Кто же этот Навадага?
Расскажи про Навадагу",—
Я тотчас бы вам ответил
На вопрос такую речью:

"Средь долины Тавазэнта,
В тишине *лугов* зеленых,
У излучистых потоков,
Жил когда-то Навадага.

Вкруг индейского селенья

Расстилались нивы, *долы*,

А вдали стояли сосны,

Бор стоял, зеленый—ле-
том,

Белый—в зимние морозы,

Полный вздохов, *полный*
песен.

“And the pleasant watercourses,
You could trace them through
the valley,
By the *rushing* in the Spring
time,
By the alders in the Summer,
55 By the white fog in the Autumn,
By the *black line* in the Winter;
And beside them dwelt the
signer,
In the vale of Tawasentha,
In the green and silent valley.
60 “There he sang of Hiawatha,
Sang the Song of Hiawatha,
Sang his wondrous birth and
being,
How he prayed and how he
fasted
How he lived, and toiled, and
suffered,
65 That the *tribes of men* might
prosper,
That he might *advance* his
people!”
Ye who love the haunts of
Nature,
Love the sunshine of the meadow,
Love the shadow of the forest,
70 Love the *wind* among the
branches,
And the rain-shower and the
snowstorm,
And the rushing of great rivers
Through their *palisades of pine-trees*,
And the thunder in the mountains,

Те веселые потоки
Были видны на долине
По разливам их — весною,
По ольхам серебристым —
легом,
По туману — в день осенний,
По руслу — зимой холодной.
Возле них жил Навадаги
Средь долины Тавазэнта,
В тишине лугов зеленых.
Там он пел о Гайавате,
Пел мне Песнь о Гайавате,
О его рожденье дивном,
О его великой жизни:
Как постился и молился,
Как трудился Гайавата,
Чтоб народ его был счастливым,
Чтоб он шел к добру и правде“.
Вы, кто любите природу —
Сумрак леса, шепот листьев
В блеске солнечном долины,
Бурный ливень и метели,
И стремительные реки
В неприступных дебрях
бора,
И в горах раскаты грома,

⁵ Whose *innumerable echoes*
Flap like eagles in their eyri-
es;—

Listen to these wild traditions,
To this Song of Hiawatha!
Ye who love a nation's le-
gends,

⁸⁰ Love the ballads of a people,
That like voices *from afar off*
Call to us to pause and lis-
ten,

Speak in tones so plain and
childlike,
Scarcely can the ear distin-
guish

⁸⁵ Whether they are sung or
spoken;—

Listen to this Indian Legend,
To this Song of Hiawatha!
Ye whose hearts are *fresh* and
simple,

Who have faith in God and
Nature,

⁹⁰ Who believe that in all ages

Every human heart is human,
That in even savage bosoms
There are *longings, yearnings,*
strivings

For the *good* they comprehend
not,

⁹⁵ That the feeble hands and
helpless,

Groping blindly in the dark-
ness,

Touch *God's* right hand in that
darkness

And are lifted up and streng-
thened;—

Listen to this *simple* story,

¹⁰⁰ To this Song of Hiawatha!

Ye, who sometimes, in your
rambles

Что как хлопанье орлиных
Тяжких крыльев раздают-
ся,—

Вам принёс я эти *саги*,
Эту Песнь о Гайавате!
Вы, кто любите легенды

И народные баллады,
Этот голос дней *минувших*,
Голос *прошлого*, манящий

К молчаливому *раздумью*,
Говорящий так по-детски,
Что едва уловит ухо,

Песня это или сказка,—

Вам из диких стран *принес* я
Эту Песнь о Гайавате!
Вы, в чьем юном, *чистом*
сердце

Сохранилась вера в бога,

В искру божью в человеке;
Вы, кто помните, что вечно
Человеческое сердце

Знало горести, сомненья

И порывы к светлой *правде*,

Что в глубоком мраке
жизни

Нас ведет и укрепляет

Провидение незримо,—

Вам бесхитростно пою я

Эту Песнь о Гайавате!

Вы, которые, блуждая

Through the <i>green lanes of the country,</i>	По <i>околицам</i> зеленым,
Where the tangled <i>barberry-bushes</i>	Где, склонившись на <i>ограду,</i>
Hang their tufts of <i>crimson berries</i>	Поседевшую от <i>моха,</i>
¹⁰⁶ Over <i>stone walls</i> gray with <i>mosses,</i>	Барбарис висит, <i>краснея,</i>
<i>Pause</i> by some <i>neglected graveyard,</i>	<i>Забывается</i> порою
For a while to <i>muse, and ponder</i>	На <i>запущенном</i> погосте
On a half-effaced <i>inscription,</i>	И читаете в <i>раздумье</i>
Written with little <i>skill of song-craft</i>	На <i>могильном</i> камне <i>надпись,</i>
¹¹⁰ <i>Homely</i> phrases, but each <i>letter</i>	Неумелую, <i>простую,</i>
Full of <i>hope</i> and yet of <i>heart-break,</i>	Но <i>исполненную</i> скорби,
Full of all the <i>tender pathos Of the Here and the Hereafter:-</i>	И <i>любви, и чистой веры,—</i>
Stay and read this <i>rude inscription.</i>	Прочитайте эти <i>руны,</i>
¹¹⁵ Read this <i>Song of Hiawatha!</i>	Эту <i>Песнь о Гайавате!</i>

Мы выделяем в исследуемом материале три случая: полные лексические соответствия (в тексте выделены жирным шрифтом), частичные лексические соответствия (в тексте выделены курсивом) и расхождения, или отсутствие соответствий (в тексте не выделены). Рассмотрим каждую из этих трех групп в отдельности.

Полные лексические соответствия

Исключив из исследования все служебные и строевые слова (предлоги, союзы, артикли, служебные и вспомогательные глаголы, личные, притяжательные, указательные, неопределенные и союзные местоимения, частицы и нек. др.), мы насчитали в анализируемом отрывке всего 307 знаменательных слов (включая и имена собственные). Из них 202 слова, что составляет немногим менее 66%, переведе-

ны Буниным при помощи полных лексических соответствий, то есть слов, имеющих в русском языке то же лексическое значение, что и соответствующие слова английского подлинника (так называемые «словарные соответствия»). Для перевода поэтического текста это, безусловно, весьма большой процент прямых совпадений (далее мы увидим, что фактически средний процент полных соответствий еще выше).

В целом ряде случаев применение полного лексического соответствия сопровождается той или иной грамматической трансформацией. Наиболее распространенным видом такой трансформации является замена части речи, причем чаще всего (в восьми случаях) имеет место замена английского существительного русским прилагательным: стр. 3²—of the forest ‘лесным’ стр. 26—of the beaver ‘бобровых;’ стр. 28—of the eagle ‘орлиных;’ стр. 55—in the autumn ‘осенний’ (день); стр. 80— of a people ‘народные.’ В трех случаях замена существительного на прилагательное сопровождается синтаксической перестройкой: стр. 4—dew and damp ‘свежесть и влага’ переведено как ‘влажная свежесть’, то есть одно из двух однородных существительных заменено прилагательным, ставшим определением при другом существительном; стр. 72—the rushing of rivers переведено ‘стремительные реки’, то есть определение и определяемое как бы меняются ролями; стр. 109—обстоятельство with little skill ‘с малым умением’ заменено определением ‘неумелая’.

Обратная замена прилагательного на существительное имеет место лишь в одном случае: стр. 42 (и её повторение—стр. 59) — (in the) silent (valley) ‘в тишине’.

В одном случае прилагательное заменено наречием: стр. 83—childlike ‘по-детски’.

В пяти случаях встречается замена глагола на существительное: стр. 64—(how he) lived ‘(о его) жизни;’ стр. 76—flap ‘хлопанье’, стр. 85— are sung or spoken ‘песня или сказка’, стр. 107—два парных синонима to muse and ponder переведены при помощи одного существительного ‘в раздумье;’ стр. 50—причастия (ever) sighing, (ever) singing переведены как ‘(полный) вздохов, (полный) песен’.

² Здесь и всюду дальше указывается номер строки английского подлинника.

Встречается один случай замены глагола на прилагательное: стр. 82—*to pause* ‘молчаливому’.³

Замену прилагательного на деепричастие наблюдаем в стр. 104—*crimson* ‘краснея’.

Оригинальная трансформация произведена в стр. 20: *the sweet singer* ‘сладкозвучный певец’ переведено как ‘сладкозвучные напевы’, то есть имя деятеля заменено названием действия.

В стр. 29 *sang them* переведено как ‘песни раздавались’, то есть глагол и его «внутреннее дополнение» (*they* = *songs*) переданы существительными ‘песни’; что требует введения глагола ‘раздавались’. По сути дела, здесь наблюдается своеобразная трансформация активной конструкции в пассивно-медиальную.

Все эти случаи мы относим к числу полных лексических соответствий, поскольку трансформация затрагивает только грамматическую природу данного слова как части речи, но не меняет его лексического значения (что находит свое выражение в сохранении того же корня слова; ср.—(of a) *forest* ‘лес’, ‘лесной’; *damp* ‘влага’, ‘влажный’; *sing* ‘петь’, ‘песня’ и т.д.).

Само собой разумеется, к числу полных соответствий относятся также все случаи перевода сложных слов словосочетаниями там, где это требуется нормами русского языка, ср. стр. 68—*sunshine* ‘солнечный блеск’ и др.

Встречаются в переводе некоторые грамматические трансформации и других типов, например замена формы числа существительного (ср. стр. 81—*voices* ‘голос’), изменение порядка слов, синтаксическая перестройка и др.; однако все это относится к проблеме грамматических соответствий и не входит в предмет нашего рассмотрения.

Наконец, следует отметить, что к числу полных соответствий относятся также и те случаи, когда английское слово повторяется в подлиннике несколько раз, в то время как соответствующее ему русское слово употребляется всего один раз. С этим явлением мы встречаемся уже в самом начале анализируемого отрывка: вопросительное наречие *whence* в подлиннике употреблено дважды, в стр.

³ Хотя значение глагола *to pause* ‘замолчать’ не указывается в «Англо-русском словаре» В. К. Мюллера, данное значение английского глагола встречается столь часто, что его невключение в словарь следует считать недосмотром.

1 и 2, в то время как его русское соответствие. 'откуда' употребляется всего один раз. То же самое можно наблюдать и в стр. 22—23 (found), 48 и 50 (причастие singing), 61—62 (sang), 67, 68 и 69 (love повторяется трижды), 79—80 (опять love), 111—112 (full), 114—115 (read). С лингвистической точки зрения повторение является наиболее элементарным случаем речевой избыточности, так что устранение повторения в переводе не меняет передаваемой семантической информации. На это, казалось, можно было бы возразить, что в поэтической речи повторение играет роль определенного выразительного средства: в данном случае оно создает колорит народно-эпического повествования, который важно сохранить в переводе. Но следует иметь в виду, что в переводе Бунина повторение часто используется как художественное выразительное средство, хотя и необязательно в тех же самых местах, что и в подлиннике Лонгфелло (ср. например стр. 6—7, 12—13 и некоторые другие русского перевода). Было бы нелепым буквализмом стремиться к сохранению повторения именно в тех местах, где оно встречается в подлиннике.

Иногда в подлиннике повторение встречается в несколько завуалированном виде, а именно в виде так называемых парных синонимов, то есть параллельно употребляемых слов одного и того же лексического значения. Ср. след. строки—2 (legends and traditions 'легенды'), 79—80 (a nation's, of a people 'народные'), 107 (to muse and ponder 'в раздумье'). И здесь Бунин избегает повторения, которое было бы неоправданным буквализмом, поскольку парные синонимы — явление, характерное для английского языка, но чуждое русскому. Поэтому мы имеем все основания отнести и эти случаи к разряду полных соответствий.

Частичные лексические соответствия

Частичными мы называем соответствия, при которых имеет место сужение, расширение или смещение значения слова по сравнению с подлинником. В проанализированном нами тексте встретились следующие случаи частичных лексических соответствий:

Стр. 4: *meadow* 'луг' переведено 'долина'. В переводе Бунина это—устойчивое соответствие; ср. стр. 46, 68.

Своеобразной компенсацией является обратный случай — перевод *valley* 'долина' как 'луга' (стр. 42, 59).

Стр. 7: *frequent repetitions* 'частые повторения' переведено 'стозвучный шум' — вполне естественная замена громоздкого и невыразительного оборота поэтическим эпитетом.

Стр. 11: *prairie* 'прерия, степь' переведено 'равнина' — незначительное расширение значения.

Стр. 15: *moor* 'пустошь, поросшая вереском' переведено как 'тундры'. Поскольку речь идет о севере (Northland), такой перевод вполне закономерен; И. А. Бунин придерживается его на всем протяжении «Песни о Гайавате» (ср. ниже стр. 30, с перестановкой в следующую строку, а также в гл. II: *over frozen lakes and moorlands* 'по замерзшим, белым тундрам' и т.д.).

Стр. 17: *reeds and rushes* 'камышы и тростники' переведено как 'осока' — неточность с точки зрения ботаники, но в поэтическом произведении вполне уместная, так как речь идет не о самих растениях как таковых, а о месте, где водятся цапли, то есть о болоте.

Стр. 18: местоимение *them* в переводе раскрыто: 'сказки, старые преданья'; по сути дела, это даже не лексическая замена, а своеобразная грамматическая трансформация.

Стр. 22—23: здесь имеет место обратное явление, а именно замена существительных *these songs, these legends and traditions* местоимением 'их', как бы компенсирующая предыдущую замену местоимения на существительные.

Стр. 25: *forest* 'лес' заменено на 'рощу' — незначительное сужение значения слова. К тому же *groves* 'рощи' встречается в стр. 48 подлинника.

Стр. 50: наречие *ever* 'всегда, беспрестанно' заменено близким по лексическому значению прилагательным 'полный' в связи с уже отмеченной заменой причастий *sighing* и *singing* на соответствующие существительные 'вздохов' и 'песен'.

Стр. 56: *black line* 'темная полоса' переведено как 'русло'. Поскольку русло реки зимой выглядит как темная полоса на фоне окружающего снега, это можно считать контекстуально-адекватной заменой.

Стр. 57: *the singer* 'певец' заменено именем певца 'Навадага' — тоже вполне адекватная для данного контекста конкретизация.

Стр. 65—66: сочетанию *tribes of men* 'племена людей'

соответствует слово 'народ', которое одновременно является полным соответствием употребленному в следующей строке подлинника слову *people*. Абстрактный глагол *advance* 'продвигать, содействовать успеху' в переводе раскрыт путем конкретизации: 'чтоб он шёл к добру и правде', с соответствующей синтаксической перестройкой (превращение дополнения английского предложения в подлежащее русского предложения).

Стр. 70: *the wind among the branches* 'ветер в ветвях' заменено на '*шепот листьев*' — следствие указано вместо причины.

Стр. 73: *palisades of pine-trees* 'частокол сосен' передано как '*неприступные дебри бора*.'

Стр. 75: *innumerable echoes* 'неисчислимые эхо' передано менее эмфатическим '*раскаты*' (грома).

Стр. 77: глагол в повелительной форме *listen* 'слушайте' заменен сочетанием '*вам принес я*' (эти саги)—обратная, по сравнению со стр. 70, замена следствия причиной. То же в стр. 86.

В той же 77-й строке замена *traditions* 'предания' на '*саги*' вполне мотивирована: сам Лонгфелло, как известно, в предисловии к своей поэме называет ее «индейской Эддой». Этим же мотивирована замена в стр. 114 *rude inscription* 'грубая надпись' на '*руны*'.

Стр. 81: *(voices) from afar off* '(голоса) издалека' заменено на '(голос) *дней минувших, прошлого*'—замена пространственного значения временным. (Ср. русск.: 'далекие события', 'далекое прошлое').

Стр. 82: *to pause and listen*; наряду с уже отмеченной выше грамматической трансформацией (*to pause* 'молчаливому'), имеет место лексическая замена *listen* 'слушать, прислушиваться' на '*раздумье*'. Здесь замена конкретного физического действия на абстрактное умственное связана с указанной выше заменой пространственных отношений временными.

Стр. 88 — 100. Перевод этих строк резко отличается по своему характеру от остального текста: по сути дела, это даже не перевод, а весьма приблизительное изложение подлинника, так что нет смысла анализировать отношения отдельных его элементов. Характерно, что по своей религиозно-философской направленности эта строфа (кстати говоря, выпускаемая в некоторых советских изданиях «Песни») выпадает из общего народно-эпического тона

всей поэмы. Поэтому можно думать, что «приблизительный» характер перевода этой строфы у Бунина не случаен, а обусловлен ее туманно-аллегорическим характером.

Наличие в анализируемом отрывке текста этой строфы оказало влияние на результаты подсчета количества полных соответствий: если исключить строки 88—100, то процент полных лексических соответствий сразу поднимется до 89%.

Стр. 102: *lanes of the country* 'сельские тропинки' переведено как 'околицы' — семантическая близость очевидна.

Стр. 105: *stone walls* 'каменные стены' расширено в 'ограду'.

Стр. 106: *pause* 'останавливается' передано как 'забывается' (на запущенном погосте). Второе понятие, естественно, подразумевает первое.

Стр. 112—113: перевод конкретизирует абстрактную манеру выражения подлинника. Ср. сказанное выше о стр. 88—100.

Всего, по произведенным нами подсчетам, общее количество полных и частичных соответствий в проанализированном тексте достигает немногим более 83% по отношению к числу всех значительных слов. Таким образом, только 17% остается на долю расхождений (отсутствий соответствия), к рассмотрению которых мы сейчас переходим.

Расхождения

К числу расхождений относятся: опущения слов, представленных в подлиннике; добавления слов, отсутствующих в подлиннике; и замены слов подлинника словами иного лексического значения.

Опущения

Следующие слова, встречающиеся в подлиннике, опущены в переводе Бунина⁴:

Стр. 6: *great* 'больших' (рек). Этот эпитет, носящий скорее эмоционально-оценочный характер, опускается и в других местах: стр. 12, 72.

⁴ Точнее было бы говорить не об опущениях, а об отсутствии в русском переводе эквивалентов соответствующих слов подлинника.

Стр. 18: heard 'слышал'. Употребление глагола в данном случае носит избыточный характер, так как наличие передаваемого им действия ясно само по себе из контекста; поэтому его опущение ничего не меняет в передаваемой семантической информации.

Стр. 19: from the lips 'из уст'. Опять-таки семантически избыточное в данном случае выражение; его опущение стало необходимым в силу отмеченной выше замены имени деятеля *singer* на 'напевы'.

Стр. 22: wild and wayward (эпитеты к существительному *songs*) 'дикие и своенравные'. Опущение этих определений вызвано необходимостью в силу замены существительного *songs* местоимением 'их'; кроме того, характеристика песен Навадаги уже была дана выше, в стр. 3—9.

Стр. 29: wild-fowl 'дикие птицы'. Опущено в связи с заменой активной конструкции на пассивно-медиальную (см. выше); кроме того, это словосочетание здесь избыточно, так как ниже, в стр. 32—35, перечисляются конкретные названия диких птиц.

Стр. 37: saying 'говоря'. Избыточно ввиду наличия в предыдущей строке глагола ask 'спросить' (спрашивание подразумевает говорение).

Стр. 44: the Singer 'певец'; избыточно ввиду того, что Навадага уже был охарактеризован как певец (стр. 20).

Стр. 48: groves 'рощи'. Поскольку в предыдущей строке уже упоминался forest 'лес, бор', слово это опять-таки является избыточным и может быть опущено без какого-либо ущерба для передаваемой семантической информации.

Стр. 55: white 'белый'; как определение при слове 'туман', явно избыточно (туман почти всегда белый).

Стр. 64: suffered 'страдал'. Незначительная смысловая потеря.

Стр. 67: the haunts (of Nature) 'убежища, укромные уголки' — по нормам русского языка вряд ли могут сочетаться со словом 'природа'.

Стр. 76: eugies 'орлиные гнёзда'; избыточно, так как речь идет об орлах и общеизвестно, что орлы живут в гнездах.

Опущение прилагательного wild 'дикий' на стр. 77 является кажущимся, так как в русском переводе оно перенесено в следующую строфу (на 10 строк ниже) и синтаксически соотнесено с существительным 'страны' ('из ди-

ких стран'); поэтому мы имеем основания рассматривать это соответствие как полное, сопровождаемое синтаксической трансформацией.

Стр. 83: *in tones so plain* 'таким простым голосом'. *Tones* в русском тексте передавать не нужно, поскольку прилагательное *childlike* заменено наречием 'по-детски'; *plain* же является избыточным в сочетании с *childlike*.

Стр. 86: *Indian legend* 'индейская легенда'; в данном контексте явно избыточно.

Стр. 88 — 100 не анализируются по причинам, указанным выше.

Стр. 103. *tangled* 'спутанные' (кусты) — несущественный признак.

Стр. 104: *tufts of berries* 'гроздь ягод'. В английском тексте необходимо, так как речь идет о *barberry-bushes* 'кусты барбариса'; русское же соответствие 'барбарис' можно понять и в смысле 'ягоды барбариса'.

Стр. 108: *half-effaced* 'полустертая' (надпись) — некоторая потеря семантической информации.

Стр. 109: *written* 'написанная' — избыточно, так как речь идет о надписи (*inscription*). В той же строке опущено *of song-craft* 'поэзии' — незначительная семантическая потеря, неизбежная ввиду замены субстантивного словосочетания *with little skill* прилагательным 'неумелую'.

Стр. 110: *phrases* 'выражения'; избыточно в данном контексте. Там же опущено *each letter* 'каждая буква', имеющее чисто усилительное значение.

Стр. 114: *stay* 'остановитесь'; избыточно, так как это действие подразумевается контекстом.

Таким образом, мы видим, что в подавляющем большинстве (15 случаев из 24) И. А. Бунин опускает в своем переводе слова, являющиеся избыточными, то есть не необходимыми для передачи данной смысловой информации, которая может быть извлечена из текста и без этих слов. Лишь в нескольких случаях опущение слов ведет к незначительным смысловым потерям (в основном за счет «украшающих» эпитетов типа *great, wild, wayward* и др.).

Добавления

В русском переводе добавлены следующие слова, не имеющие соответствий в английском подлиннике:

Стр. 6: 'водопадов'. О водопадах Лонгфелло говорит дальше, в гл. IV (*the Falls of Minnehaha*).

Стр. 11: 'пустынных (равнин)'. «Украшающий» эпитет.

Стр. 14: 'диких (дакотов)'. Добавление семантически оправдано, так как в дальнейшем тексте поэмы сам Лонгфелло называет дакотов 'дикими' (гл. X: *very fierce are the Dakotahs*).

Стр. 17: 'сизая (цапля)'. Тот же случай: ниже, в стр. 34 подлинника, говорится именно о 'сизой цапле' (*the blue heron*).

Стр. 21 — 22: 'слышал'. Этот глагол здесь избыточен, так как передаваемое им значение ясно из контекста (речь идет о песнях и легендах).

Стр. 25: 'певчих (птиц)'. Добавление оправдано тем, что ниже, в стр. 32 — 35, и далее в тексте поэмы неоднократно упоминаются певчие птицы.

Стр. 26, 27, 28: В эти строки добавлены обстоятельство места: 'на прудах', 'на лугах', 'на скалах'. Поскольку общеизвестно, что бобры живут на прудах, бизоны пасутся на лугах и т. д., эти обороты приближаются к избыточным; кроме того, их добавление оправдано тем, что оно создает параллелизм предшествующей строке 25, где имеется обстоятельство 'по рощам' (в английском подлиннике тоже имеется параллелизм всех четырех строк, но построенный несколько иначе — на обороте *c of: of the forest,.. of the beaver,.. of the bison,.. of the eagle*).

Стр. 29: добавление 'раздавались' является кажущимся, так как оно вызвано необходимостью в силу замены глагола *sang* существительным 'песни'. По сути дела, здесь имеется полное лексическое соответствие с грамматической трансформацией: *sang them* — 'песни раздавались' (см. выше в разделе о полных соответствиях). То же самое на стр. 76: *flap* — 'хлопанье раздается'.

Стр. 30 — 31: '(в тундрах) севера'. Явно избыточно, так как тундры есть только на севере.

Стр. 44: '(жил) когда-то'. Наречие времени, избыточное в контексте прошедшего времени.

Стр. 49: '(зимние) морозы'. Избыточно (зимой всегда бывают морозы).

Стр. 54: 'серебристым (ольхам)'. «Украшающий» эпитет, избыточный в сочетании с существительным 'ольха'.

Стр. 55: 'день (осенний)'. В данном контексте избыточно (см. выше: 'были видны'; ясно, что речь идет о светлом времени суток).

Стр. 56: 'холодной (зимой)'. Избыточный эпитет.

Стр. 62: 'великой (жизни)'. «Украшающий» эпитет.

Стр. 71: 'бурный (ливень)' — тот же случай (приближается к избыточному).

Стр. 76: 'тяжких крыльев'. В данном контексте это словосочетание следует считать избыточным, так как общеизвестно, что орлы хлопают крыльями.

Стр. 86: '(из диких) стран'. Добавление существительного здесь требуется ввиду того, что в эту строку перенесено прилагательное 'дикий' (см. выше в разделе об опущениях).

(Стр. 88 — 100 не анализируются).

Стр. 103 — 105: 'склонившись' — необходимо синтаксически для соединения сказуемого 'висит' с предложным оборотом 'на ограду'.

Стр. 107: 'читаете'. Добавление этого глагола, семантически избыточного, здесь необходимо в связи с заменой инфинитивного оборота *to muse (and ponder)* предложной конструкцией 'в раздумье'.

Стр. 108: 'на могильном камне' — избыточно, так как речь идет о кладбище ('погосте').

Итак, большинство добавлений в русском переводе (14 случаев из 22), как и опущения, ничего не меняют в передаваемой смысловой информации, так как добавляемые слова являются избыточными. В остальных случаях добавляются либо различного рода «украшающие» эпитеты ('пустынные', 'великая', 'бурный' и др.), также не несущие в себе существенной информации, либо слова, которые в дальнейшем встречаются и в подлиннике ('дикие дакоты', 'сизая цапля', 'водопады' и некоторые другие).

Бросается в глаза следующее обстоятельство: в то время как в переводе опущено всего 27 слов по сравнению с подлинником, в нем добавлено (учитывая и синтаксические трансформации) всего 26 слов (строки 88 — 100 не учитывались). На первый взгляд это кажется странным, если вспомнить, что в своем предисловии И. А. Бунин жалуется на краткость английских слов: можно было бы подумать, что он пойдет по пути максимально возможного сокращения длины русских строк путем опущения слов. На самом деле, как мы видим, число добавлений почти равно числу опущений. Следует, однако, иметь в виду, что значительную «экономия» слов дает избежание повторений и совмещение в одном слове значений двух

английских слов — парных синонимов; за этот счет переводчику удается сократить текст еще на 15 слов. Кроме того, некоторое сокращение числа слов осуществляется за счет частичных лексических соответствий. Всего русский перевод насчитывает 284 знаменательных слова — на 23 слова меньше, чем английский подлинник. Следует учитывать, что аналитический характер строя английского языка, помимо краткости слов, имеет и обратную сторону — необходимость употребления большого количества служебных слов (предлоги, артикли, вспомогательные глаголы и др.), которые отсутствуют в русском языке и дают некоторую «экономию» длины текста в русском переводе (что особенно важно для поэтического перевода).

З а м е н ы

Сюда мы относим только те случаи, когда между английским словом и соответствующим ему (по синтаксической роли и месту в предложении) русским словом нет никакой смысловой связи⁶. Таких случаев в анализируемом отрывке всего три: стр. 5: *curling smoke* 'вьющийся дымок' — 'голубой дымок'; стр. 17: *(the heron) feeds* 'кормится' — 'бродит (цапля)'; стр. 43: *the pleasant water-courses* 'веселые потоки' — 'излучистые потоки' (однако ниже, в стр. 51, то же словосочетание переведено адекватно: 'веселые потоки'). При этом в двух случаях речь идет о замене прилагательных-эпитетов, не несущих семантически существенной информации; в третьем же случае глагол *feeds* также не является смысловым центром сообщения, ибо важно не само действие, не то, что делает цапля, а кто именно обитает на болотах; глагол же по роли приближается здесь к простой связке и мог бы быть заменен почти любым непереходным глаголом со значением бытия или местонахождения (*lives, dwells, nests, walks, etc.*).

⁶ Эти случаи можно рассматривать как одновременное опущение и добавление.

Таким образом, лексические замены в переводе опять-таки не влекут за собой никакого существенного изменения в содержащейся в тексте семантической информации.

В заключение скажем несколько слов о количестве и соотношении строк в подлиннике и в переводе. В целом И. А. Бунин, согласно установленным им в предисловии принципам, стремится к сохранению соответствия между строками подлинника и перевода. В тех случаях, когда по той или иной причине им нарушается число строк, он стремится сразу же компенсировать это нарушение. Так, стр. 7—9 подлинника соответствуют всего две строки перевода; однако это сокращение числа строк тут же компенсируется добавлением лишней строки после стр. 18 подлинника. Стр. 62 подлинника соответствуют две строки перевода, но это увеличение числа тут же компенсируется тем, что стр. 68—70 подлинника соответствуют всего две строки перевода. После стр. 82—83 и 89 добавлено по одной строке, но зато после стр. 91 и 95, наоборот, опущено по одной строке в русском переводе. Добавление строки после стр. 106 подлинника компенсировано сокращением одной строки, соответствующей стр. 110 подлинника. И лишь в двух случаях (стр. 23 и 113 подлинника) опущение строк оказывается некомпенсированным, в результате чего русский текст насчитывает на две строки меньше, чем подлинник. Мы видим, таким образом, что И. А. Бунин не стремится к формальной «эквивалентности», но, с другой стороны, следит за тем, «чтобы из одной строки Лонгфелло не делать нескольких», чтобы количество строк в переводе не расходилось резко с их числом в подлиннике.

Проделанный анализ дает возможность прийти к некоторым предварительным выводам:

1. Одной из причин высокой степени адекватности бунинского перевода «Песни о Гайавате» является весьма большой процент содержащихся в нем полных лексических соответствий подлиннику, то есть соответствий, основанных на прямой словарной эквивалентности.

2. Искусство переводчика заключается в том, чтобы производить разного рода языковые трансформации там, где этого требуют нормы русского языка или стихосло-

жения, без существенного ущерба для содержащейся в тексте семантической информации. Этого И. А. Бунин достигает, главным образом, путем применения частичных лексических соответствий, основанных на незначительном изменении лексической семантики слова, а также путем устранения повторений, семантически «опустошенных» эпитетов и избыточных лексических элементов.

3. Явление избыточности, свойственное любому языку, дает переводчику возможность производить требуемые изменения в форме языкового выражения (включая добавления, опущения и замены слов и словосочетаний) без какого-либо изменения в передаваемой текстом смысловой информации.

Разумеется, наше исследование следует рассматривать как предварительное и далеко не исчерпывающее всей проблемы. Прежде всего, адекватность поэтического (и любого другого) перевода далеко не сводится к передаче лишь лексической стороны подлинника; требуется поэтому произвести исследование также и грамматических соответствий в поэтическом переводе, не говоря уже о важнейшей проблеме передачи собственно поэтических образных средств и стилистических приемов (сравнений, повторов, параллелизмов, единоначатий и пр.). Далее, проанализированный нами отрывок — слишком короткий для того, чтобы на его основе делать какие-либо убедительные выводы и подсчеты. Необходимо подвергнуть подобному анализу более обширный текст, если не всей поэмы, то, по крайней мере, нескольких ее глав, чтобы полученные выводы могли претендовать на доказательность. Наконец, чтобы полностью оценить качество бунинского перевода, нужно сравнить его как с другими переводами той же поэмы (например переводом Д. Л. Михаловского), так и с переводами других поэтических произведений. Нужно учитывать, что задача И. А. Бунина в значительной мере облегчалась отсутствием в подлиннике рифмы; в переводах поэтических произведений, содержащих рифму, количество полных соответствий, естественно, будет меньшим, а количество отклонений, соответственно, большим и т. д.

Мы надеемся, что данная статья послужит толчком к углубленному лингвистическому исследованию интересных проблем, связанных с малоизученной областью поэтического перевода.

ПЕРЕВОД ПОЭМЫ ЛАМАРТИНА «ОЗЕРО»
(перевод посвящается А. М. Пешкову)

Le Lac

Ainsi, toujours poussés vers de nouveaux rivages,
Dans la nuit éternelle emportés sans retour,
Ne pourrons-nous jamais sur l'océan des âges
Jeter l'ancre un seul jour ?

O lac ! l'année à peine a fini sa carrière,
Et près des flots chéris qu'elle devait revoir,
Regarde ! je viens seul m'asseoir sur cette pierre
Où tu la vis s'asseoir !

Tu mugissais ainsi sous ces roches profondes.
Ainsi tu te brisais sur leurs flancs déchirés ;
Ainsi le vent jetait l'écume de tes ondes
Sur ses pieds adorés.

Un soir, t'en souvient-il ? nous voguions en silence ;
On n'entendait au loin, sur l'onde et sous les cieux,
Que le bruit des rameurs qui frappaient en cadence
Tes flots harmonieux.

Tout à coup des accents inconnus à la terre
Du rivage charmé frappèrent les échos ;
Le flot fut attentif, et la voix qui m'est chère
Laisa tomber ces mots :

« O temps ! suspends ton vol ! et vous, heures propices,
Suspendez votre cours !
Laissez-nous savourer les rapides délices
Des plus beaux de nos jours !

Assez de malheureux ici-bas vous implorant,
Coulez, coulez pour eux ;
Prenez avec leurs jours les soins qui les dévorent,
Oubliez les heureux.

Mais je demande en vain quelques moments encore ;
Le temps m'échappe et fuit ;
Je dis à cette nuit : « Sois plus lente » ; et l'aurore
Va dissiper la nuit.

Aimons-donc, aimons donc ! de l'heure fugitive,
Hâtons-nous, jouissons !
L'homme n'a point de port, le temps n'a point de rive ;
Il coule et nous passons ! »

Temps jaloux, se peut-il que ces moments d'ivresse
Où l'amour, à longs flots nous verse le bonheur
S'envolent loin de nous de la même vitesse
Que les jours du malheur ?

Eh quoi ! n'en pourrons-nous fixer au moins la trace ?
Quoi ! passés pour jamais ? quoi ! tout entiers perdus ?
Ce temps qui les donna, ce temps qui les efface,
Ne nous les rendra plus ?

Eternité, néant, passé, sombres abîmes,
Que faites-vous des jours que vous engloutissez ?
Parlez : nous rendrez-vous ces extases sublimes
Que vous nous ravissez ?

O lac ! rochers muets ! grottes ! forêt obscure !
Vous que le temps épargne ou qu'il peut rajeunir,
Gardez de cette nuit, gardez, belle nature
Au moins le souvenir !

Qu'il soit dans ton repos, qu'il soit dans tes orages,
Beau lac, et dans l'aspect de tes rians coteaux,
Et dans ces noirs sapins, et dans ces rocs sauvages
Qui pendent sur les eaux !

Qu'il soit dans le zéphyr qui frémit et qui passe,
Dans les bruits de tes bords par tes bords répétés,
Dans l'astre au front d'argent qui blanchit ta surface
De ses molles clariés !

Que le vent qui gémit, le roseau qui soupire,
Que les parfums légers de ton air embaumé,
Que tout ce qu'on en'end, l'on voit ou l'on respire,
Tout dise : « Ils ont aimé ! »

Озеро

Нас время гонит прочь от старых берегов,
Былое навсегда сокрыв от наших глаз.
О, если б якорь наш нам в океан веков
Забросить хоть на час!

О, озеро! едва закончил год свой путь, —
И вновь к волнам твоим пришел я из долин,
Но там, где мы вдвоем садились отдохнуть, —
Сижу уж я один...

Стонало так же ты тогда у мрачных скал,
И так же билось ты о каменный порог,
И пену волн твоих все так же вихрь бросал
У милых ее ног.

Был вечер — помнишь ты — безмолвен был наш путь,
В молчаньи неся вдаль, среди скал, наш легкий челн,
И только о весло звенела тихо грудь
Твоих бегущих волн.

Вдруг голос зазвучал, как музыка небес,
Волшебным эхо вдаль отдавшись над водой,
И слушала волна, и слушал стихший лес
Твой голос неземной:

«О, время, подожди! О, счастья добрый час,
Полет останови!
В бездонный мрак веков не уноси от нас
Сияние любви!

Ты мчись быстрее для тех, кто удручен судьбой, —
Для них, как птица, будь!
И с жизнью вместе скорбь от них умчи с собой...
Счастливых же забудь!»

Так времени во след я тщетно говорю:
Оно бежит все прочь.
Я ночь молю: «Постой!» — но время шлет зарю,
Чтобы рассеять ночь.

Так будем же любить! мельканием минут
Упитья поспешим.
Где времени предел? где путникам приют? —
Нас гонит жизнь, как дым»

Ужель навек от нас бесстрастною рукой
Минуты дивных чар прочь время унесет,
Как унесло от нас, повитые тоской,
Дни горя и забот?

И что же, никогда, утратив даже след,
Уж нам не воротить мгновений дорогих?
И что же, навсегда для нас их больше нет
И не видать нам их?

О, мрак небытия! О, даль ушедших дней!
Скажите: что для вас — нас озаривший час?
Вернете ль снова блеск сверкнувших нам огней,
Похищенных у нас?

О, ширь зеркальных вод! О, скалы, гроты, лес!
Пусть вами, чью судьбу бег времени щадит,
Хоть образ ночи той, исполненной чудес,
Не будет позабыт!

Ты ж озеро, храни во мгле прибрежных гор
И в бурях, и в тиши твоих бегущих вод
И в чаще пихт, к тебе склонивших свой убор,
Волшебный образ тот!

Пусть образ тот хранит и трепетный зефир,
Блуждая у твоих шумливых берегов,
И этот диск луны, посеребренный мир,
И мягкий твой покров!

Пусть шепчущий камыш и листьев томный смех,
Пусть все, что нас дарит расцветом юных сил,
Что дышит и живет, — хранит и образ тех,
Кто некогда любил.

От редакции

Перевод поэмы Альфонса де Ламартина «Озеро», принадлежащий скончавшемуся в 1942 году поэту и переводчику Л. М. Кунину, публикуется впервые.

По точности передачи содержания и сохранению ритико-мелодического рисунка он несравненно лучше, чем перевод, выполненный А. А. Фетом. Мы приводим для сравнения 1, 2, 12 и последнюю строфы перевода поэмы «Озеро», сделанного А. А. Фетом:

Итак, всему конец! К таинственному берегу
Во мрак небытия несет меня волной
И воспротивиться на миг единый бегу
Не в силах якорь мой.

Ах, озеро, взгляни: один лишь год печали
Промчался, и теперь на самых тех местах,
Где мы бродили с ней, сидели и мечтали,
Сижу один в слезах...

Пучины прошлого, ничтожество и вечность,
Какая цель у вас похищенным часам?
Скажите, может ли хоть раз моя беспечность
Поверить райским снам?

Чтоб свежий ветерок дыханьем ароматным,
И даже шелестом таинственным тростник, —
Все б говорило здесь молчанием понятным:
«Любовь, заплачь о них!»⁶

⁶ А. А. Фет, полное собрание стихотворений, СПб., 1912, стр. 385—386.

III. Вопросы методики преподавания перевода

М. Я. Цвиллинг
(Москва)

ОТ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА К РОДНОМУ И ОБРАТНО

(Соображения о построении курса перевода с русского языка на иностранный, на примере немецкого языка)

Обучение переводу на иностранный язык, несомненно, один из наиболее сложных и ответственных элементов в системе преподавания иностранного языка и в подготовке переводчиков.

Методика обучения переводу на иностранный язык практически еще ждет своей разработки, тем более что и общая методика обучения переводу еще только делает первые шаги.

Соотношение теории и практики, знаний и навыков, аудиторной и самостоятельной работы, место перевода среди других аспектов преподавания языка, вопрос о наиболее целесообразном построении учебных пособий и многие другие проблемы требуют своего изучения как в отдельности, так и в системе.

Настоящая заметка ограничивается значительно более скромной задачей: автор хотел бы, основываясь на опыте, изложить свой взгляд на вопрос о том, следует ли при обучении переводу на иностранный язык (а также соответственно, при создании учебных пособий) исходить из родного языка или из иностранного языка. Возможно, что в такой форме постановка вопроса может показаться парадоксальной или же схоластической. Постараюсь объяснить, что, собственно, имеется в виду.

В преподавании перевода с иностранного языка на родной естественно исходить из системы переводимого языка. Это означает, что устанавливаются те или иные языковые единицы (слова, сочетания, грамматические модели) и прослеживаются возможные способы передачи их на родном языке. В пособии по переводу с немецкого языка поэтому вполне естественно иметь такие разделы, как, например, передача составных слов, передача сочетания инфинитива с винительным, передача модальных глаголов и т.п. При этом совершенно правильно предполагается, что обучаемый в достаточной степени владеет родным языком, чтобы правильно использовать его средства, и задача преподавателя сводится к тому, чтобы выработать связи от единиц переводимого языка к единицам языка родного.

Этот подход, оправданный при переводе на родной язык, часто распространяют и на обучение переводу на иностранный язык. Действительно, такая тема, как «перевод деепричастных оборотов», в программе перевода на иностранный язык едва ли может вызвать возражения.

Включение такой темы оправдано, поскольку отсутствие постоянного эквивалента деепричастному обороту в немецком языке требует знания средств, заменяющих его и правил, по которым производится выбор между этими средствами. То же можно сказать и о некоторых других явлениях русского языка (например, словообразование с суффиксами субъективной оценки, видовые различия глаголов и т. п.).

Однако едва ли нужно доказывать, что число подобных тем относительно ограничено, так что при построении курса только на этой основе многое остается вне сферы рассмотрения. Реальный русский текст содержит многие единицы, при переводе которых подобный подход нецелесообразен, поскольку подбор эквивалента к ним, вообще говоря, не является проблемой. Но допустим ли «самотек»? Можно ли в профессиональном преподавании перевода на иностранный язык ограничиться лишь усиленным вниманием к передаче «безэквивалентных» единиц русского языка, предоставляя студенту полную свободу в использовании «объективно существующих» эквивалентов в других случаях?

Ответ на этот вопрос может быть дан только отрицательный. (Разумеется, этот вопрос поставлен здесь наро-

чито утрировано). Автоматизированное использование объективных эквивалентов не может привести к желаемому результату.

На этом утверждении, в общем едва ли спорном, мы считаем нужным остановиться несколько подробнее, конкретизировав его в свете поставленного в настоящей статье вопроса.

Одной из наиболее существенных причин неполной адекватности такого «по-единичного» (практически: дословного) перевода является, на наш взгляд, различная употребляемость членов эквивалентных пар в том и в другом языке, то есть расхождение в частотности употребления некоего выразительного средства «Р» в русском языке и его эквивалента «D» в немецком языке.

Можно, по-видимому, предположить, что полное обследование обоих языков с применением статистических и иных объективных методов, всеобъемлющий дистрибутивный анализ на всех уровнях, в конечном счете, позволят выявить и точнейшим образом зафиксировать все эти различия.

Однако в настоящее время, в целях рационализации процесса обучения переводу достаточно, видимо, и тех интуитивно-эмпирических данных, которыми мы располагаем.

Эти данные говорят о том, что в иностранном языке (в частности, в немецком) имеется целый ряд явлений, употребляемых значительно шире, чем их русские эквиваленты. Недостаточно широкое использование этих средств в переводе — одна из главных причин неполноценности перевода. Это относится в равной мере и к грамматике и к лексике, поскольку именно такие характеристики, в конечном счете, обуславливают языково-стилистическое своеобразие текста. Конечно, обучение иностранному языку (на уроках устной и письменной практики) должно обеспечить такое знание языка, при котором студент в одинаковой степени владеет всеми выразительными средствами, независимо от степени их сходства с явлениями родного языка. Однако опыт показывает, что, во-первых, трех-четырёхлетнее обучение не может полностью гарантировать выполнение этой цели, а во-вторых, при перестройке со свободной речи на перевод с родного языка многие специфические единицы иностранного языка не сохраняются автоматически в активном запасе студента (о причинах

этого говорить здесь нет необходимости). Таким образом, в курсе перевода с родного языка на иностранный необходимо уделить самое пристальное внимание совершенно определенным явлениям иностранного языка. Естественно, это возможно только, если в программе, в пособиях и в календарных планах им будет отведено соответствующее место.

В частности, в курсе перевода с русского языка на немецкий целесообразно иметь такие разделы как: использование модальных глаголов в переводе с русского языка, использование различных инфинитивных оборотов и конструкций, особенности использования прилагательных и наречий, использование составных слов (существительных и прилагательных), использование глагольной префиксации, и некоторые другие. Кроме того, по-видимому, специальную тему (рассредоточенную во времени) должно составить изучение определенных лексических единиц служебно-смыслового характера (модальных слов и частиц, некоторых наречий и прилагательных с обобщающим, а не собственно-качественным значением и др.).

В отличие от изучения тех же явлений в аспекте практики языка (или грамматики) в курсе перевода основное внимание уделяется тому, в какой ситуации (заданной текстом на родном языке) эти единицы могут быть употреблены.

Практическое осуществление этих задач может идти разными путями. Исходным моментом при первом варианте будут явления немецкого языка (например, модальные глаголы). Они демонстрируются на достаточно показательном оригинальном текстовом материале (целых текстах или специально подобранных отрывках), по жанру и стилю близком русским текстам, переводимым на данном этапе обучения. При этом приводятся русские переводы, из которых видно «исчезновение» этих глаголов при переводе текста на другой язык. Затем подбираются уже русские тексты (примеры), аналогичные полученным переводам, и студентам предлагается перевести их на немецкий язык, используя изучаемое явление.

От специально подобранных иллюстративных текстов затем можно перейти к обычному рабочему тексту, при переводе которого, однако, намеренно утрируется использование данного явления. В каждом случае, где в немецком переводе (иногда с помощью некоторого преобразова-

ния, захватывающего целые предложения) может быть применен вариант с модальными глаголами, преподаватель требует от студента такой вариант. Затем уже сравниваются данный вариант и иные варианты, и с учетом всего того, что известно студентам (на основании ранее рассмотренных немецких примеров), определяется окончательный выбор.

При разборе более частных явлений исходным может явиться переводимый русский текст. В связи с тем или иным местом текста преподаватель указывает на необходимость (или возможность) введения той или иной единицы в перевод, подтверждая это иллюстративными примерами из соответствующих немецких текстов. Затем студентам могут быть предложены упражнения на преобразование (редактирование) немецкого текста и на перевод.

Материал, пройденный такими приемами, затем постоянно закрепляется в ходе дальнейшей работы одновременно с выработкой навыков перевода (главным образом письменного).

В связи со сказанным необходимо заметить также, что в ходе обучения переводу на иностранный язык вообще, видимо, имеет смысл, как сказано выше, несколько «утрировать» идиоматичность перевода (не во фразеологическом, а в более широком смысле этого термина). Студент всегда должен знать, какие специфические выразительные средства иностранного языка, не подсказываемые оригиналом, могут быть употреблены в данном случае, и быть в состоянии сознательно взвешивать необходимость выбора того или иного варианта.

И еще одно замечание: при подобном подходе к преподаванию перевода совершенно необходимо самым тесным образом обеспечить взаимосвязь аспекта «перевод на иностранный язык» с аспектом «перевод с иностранного языка».

IV. Вопросы лексикографии

В. Г. Гак
(Москва)

О РАЗНЫХ ТИПАХ ДВУЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЕЙ

За много лет своей деятельности Государственное издательство иностранных и национальных словарей оказало неоценимую услугу советскому читателю, выпустив многие десятки словарей на самых разных языках. Однако потребности читателей становятся все более разнообразными и глубокими, существующие словари не всегда их способны удовлетворить, и назрел вопрос о создании словарей нового типа. Разумеется, создание специальных словарей: фразеологических, синонимических, словарей свободных сочетаний и других, имеет первостепенное значение, но представляется также необходимым широко обсудить вопрос о структуре словарей общего типа. В связи с этим не может не привлечь внимания статья Л. С. Бархударова о так называемых малых двуязычных словарях¹. Автор совершенно правильно отмечает непрактичность существующих «малых» словарей на 25-30 тыс. слов и предлагает для каждой пары языков издавать словари с различным объемом словника. Следует отметить, однако, что при разработке системы словарей нужно принимать во внимание не только количество вокабул, но главным образом структуру и разработку словарных статей в связи с назначением словаря.

Еще Л. В. Щерба указывал, что для каждой пары языков надо иметь четыре словаря, например: французско-русский и русско-французский для русских и такие же два словаря для французов. При этом французско-русский

См. «Тетради переводчика», вып. № 1, 1963.

словарь для русских должен быть преимущественно пассивным, русско-французский же — преимущественно активным, и наоборот. Но и в пределах пассивного словаря (т. е. иностранно-русского словаря для русских) можно выделить различные типы в зависимости от назначения книги.

Для чего вообще нужен иностранно-русский словарь? Он нужен, во-первых, для чтения и понимания иностранной литературы, во-вторых, для отыскания нужных эквивалентов при переводе с иностранного языка, и, наконец, он может быть полезен при изучении лексического состава иностранного языка (значение слова, употребляемость и сочетаемость слов, грамматическая характеристика слова, служебные слова, употребляемые с данным словом, орфографические особенности слова и т. п.). В соответствии с этим намечаются три типа иностранно-русских словарей (для русских).

1. Полный словарь общего типа. Его назначение — обеспечить понимание (а не литературный перевод!) читаемого текста. Основная ценность такого словаря — в его полноте. Словник его должен быть максимально полным, включать не только общеупотребительную лексику, но и арготизмы, архаизмы, историзмы, по мере возможности специальную терминологию и неологизмы. Каждое слово должно быть представлено во всех без исключения своих значениях. Слова-реалии должны поясняться. С другой стороны, разработка каждого отдельного слова должна быть максимально краткой, поскольку назначение такого словаря — разъяснить значение иностранного слова средствами русского языка, а не давать все возможные в русском языке варианты перевода. В таком словаре нет места развернутой синонимике русского языка, нет места и свободным или полусвободным словосочетаниям, значение которых ясно из раздельного перевода составляющих их компонентов. В этом словаре были бы излишни идиомы, имеющие дословные эквиваленты в русском языке (напр. франц. *être au septième ciel* — русск. 'быть на седьмом небе'). Статья такого словаря может включать лишь словосочетания идиоматического характера в межъязыковом плане, то есть, такие, для понимания которых недостаточны прямые переводы компонентов. Полный словарь общего типа должен быть емким и удобным в обращении, небольшого формата.

2. Переводческий словарь. Он предназначен для переводчиков и должен помочь отыскать нужный эквивалент при переводе. Словник его может быть меньше, нежели словарь общего словаря: он может обойтись без редких и специальных слов, для перевода которых приходится обращаться к специальным словарям и справочникам. Но разработка каждого гнезда должна быть более подробной, чем в словаре первого типа, причем она должна учитывать возможные лексико-грамматические расхождения между двумя языками. В словаре необходимо широко отразить синонимию языка перевода, дать различные возможные варианты перевода и особенно — показать отступления от основных словарных эквивалентов при переводе данного слова. Словосочетания, или короткие фразы, должны иллюстрировать типичные замены и приемы перевода такие как: замена одной морфологической категории другой (напр., франц. мн. число *haines* — русск. ед. число 'ненависть'), замена слова словосочетанием (напр., *permettre* не только 'позволить', но и 'дать возможность'), антонимический перевод (напр., *diminution de vitesse* не только 'уменьшение скорости', но и 'замедление'), конкретизация (напр., *texte* не только 'текст', но и 'договор', 'закон и т. п.; *scier* не только 'пилить', но и 'отпилить', 'спилить', 'перепилить', 'распилить'), характерные изменения структуры предложения при переводе данного слова (например, *Le livre contient dix chapitres* — В книге десять глав), наиболее характерные образные употребления данного слова и т. п. Элементы подобной разработки слов и переводов представлены, например, в старом «Французско-русском словаре» Н. Макарова, они имеются и в современных словарях. Такой переводческий словарь не следует загружать словосочетаниями, эквивалентно переводящимися на русский язык путем отдельного перевода компонентов, а также примерами на употребление слова, не отражающиеся на выборе контекстуального эквивалента перевода.

3. Учебный словарь. Назначение этого словаря — дать представление не только о значении слова, но и об его употреблении, сочетаемости, грамматических характеристиках (например, падежное или предложное употребление глагола и т. п.). Словник такого словаря не должен быть раздутым, в него следует включить лишь наиболее употребительные слова, в их наиболее распространенных значениях. Но слова эти должны быть разработаны под-

робно: с примерами на словоупотребление, как это дается в толковых словарях, с широко представленной сочетаемостью. По сути дела, такой словарь является активно-пассивным, ибо он не только поясняет значения иноязычных слов, но и показывает их употребление. Удачным опытом такого учебного словаря является «Немецко-русский словарь» под ред. проф. И. В. Рахманова, а также вышедший под его же редакцией словарь наиболее употребительных слов в трех языках. К таким учебным словарям следует отнести и выпускаемую серию иностранно-русских словарей для иностранцев.

Необыкновенное «разбухание» наших словарей, которое справедливо осуждает Л. С. Бархударов, объясняется не только полиграфическим оформлением их (плотная бумага, крупный, хотя и нечеткий шрифт). Наши словари толще соответствующих (по количеству вокабул) иностранных в силу различной разработки словарных гнезд. Иностранные словари, как правило, представляют собой словари общего типа. Они кратко поясняют средствами родного языка значения иностранных слов и идиоматических выражений. В наших же словарях объединяются элементы и общепереводного, и переводческого, и учебно-толкового словарей. В результате статья увеличивается, начинается необязательным материалом, не представляющим интереса для читателя, в то время как многих нужных сведений он в словаре не находит. В такой перегруженной деталями статье трудно ориентироваться и отыскать нужное значение слова, хотя, в принципе, структура статьи в наших словарях хорошо продумана (обозначение значений слова цифрами, вынесение идиоматики за ромб и др.). От издания к изданию словарные статьи все больше разбухают. В «Англо-русском словаре» проф. В. К. Мюллера (1956 г.) на 60 тыс. слов приходится 119 уч.-изд. листов, то есть в каждом листе содержится примерно 500 слов.¹ Издание 1960 года под ред. Е. Б. Черкасской содержит 70 тыс. слов при объеме в 160 листов, то есть в каждом листе умещается всего лишь 440 слов. Значительное увеличение объема словаря (на 1/3) вызвано не столько увеличением словника (он возрос на 1/6), сколько расширением самих статей словаря.

¹ В объем словаря, для упрощения подсчета, включаются списки географических названий, грамматические справочники и т. п. Отклонение от истинных показателей при этом невелико.

Такое же примерно соотношение мы наблюдаем и в словарях романских языков.

В «Румынско-русском словаре» (изд. 1953 г. 42 тыс. слов, 77 л.) в каждом листе примерно 550 слов. В «Испанско-русском» (1953 г., 42 тыс. слов, 72 л.) — около 580 слов, во «Французско-русском» (1957 г., 70 тыс. слов, 121 л.) тоже 580 слов в каждом листе. Рекорд побил «Итальянско-русский словарь» 1963 года (55 тыс. слов, 161 л.), каждый лист его включает в среднем лишь 340 слов.

При этом площадь словарей используется не всегда рационально. Открываем наудачу «Румынско-русский словарь» на стр. 692. В глаголе *a purta* приведены значения: 1) 'нести', 2) 'носить', 'переносить', 3) 'вести', 'водить', 4) 'одеваться во что-л', и др. К первому значению дан пример: *a ~ un copil în brațe* 'носить ребенка на руках'. Это совершенно лишняя иллюстрация, не показывающая ни особого оттенка в употреблении слова, ни его особого перевода. Ей место — в толковом или учебном словаре, здесь же она (вместе с переводом) напрасно занимает две драгоценных строки. Также излишними являются примеры, приводимые под значениями 2) 'носить', 'переносить': *a ~ de mâna* 'вести за руку', *a ~ la plimbare* 'вести гулять'. Если указано значение одеваться, то к чему иллюстрация: *a ~ un palton* 'носить пальто', тем более что *a purta* дословно значит 'носить', и невозможно представить, чтобы русский читатель не понял этого словосочетания, зная значения компонентов. Лишним представляется и пример: *nu se mai poartă* это вышло из моды. Он оправдан с точки зрения переводческого словаря, дающего варианты перевода. С точки зрения понимания, румынская цитата вполне прозрачна, тем более что и по-русски можно сказать «этого больше не носят» (отметим к тому же что отрицательные возвратные формы романских языков вообще регулярно переводятся на русский язык неопределенно-личными конструкциями. Ср. франц.: *cela ne se mange pas* 'этого не едят'; исп. *así no se dice* 'так не говорят' и т. п.). Излишними с точки зрения понимания являются единицы: *a ~ răspunderea* 'нести ответственность', *a ~ de nas* 'водить за нос', *a ~ numele* 'называться', то есть 'носить название' и др. Можно было бы не давать и речений с одинаковой внутренней формой, например, *glasul celui ce strigă în pustiu* 'глас вопиющего в пустыне', а также понятные термины: *pușcă cu două țevi*

‘двуствольное ружье’ (букв. ружье с двумя стволами), ~ *automatã* ‘автоматическое ружье’, ~ *antitanc* ‘противотанковое ружье’ (напротив, *puşcă mitralieră* ‘ручной пулемет’ нужно оставить в словаре). Мы не говорим уже о прямых повторах, как, например, *exces de putere* ‘превышение власти’, которое приводится и на слове *putere* и на слове *exces* (а ведь это перерасход целой строки!).

Всего на стр. 692 нами выявлено 15 строк, которые можно было бы без ущерба исключить из словаря ввиду абсолютной понятности значения сочетаний. Это составляет около 15% площади страницы. Если данная цифра совпадает со средней по всему словарю, то значит, что при тех же полиграфических данных, исключив этот излишний материал, словарь можно было бы сократить на 100—120 страниц.

«Испанско-русский словарь» — наименее «разработанный» из больших романских словарей. Но и в нем есть «излишества». Например, на стр. 478 (опять первая попавшаяся страница!) при слове *huelga* ‘забастовка’ обнаруживаем сочетания ~ *política general, declarar la* — абсолютно понятные, если исходить из перевода отдельных компонентов (лишних три строки). На стр. 479 к прилагательному *hullero* ‘угольный’ даются иллюстрации: *industria hullera, región (zona) hullera, yacimientos hulleros*, где прилагательное сохраняет при переводе на русский язык свой основной эквивалент (а это тоже перерасход в четыре строки).

Во «Французско-русском словаре» также находим множество речений, без которых можно было бы обойтись. В этом словаре вообще широко представлен переводческий принцип: обильно даются различные варианты перевода и синонимы в русском языке. Например, глагол *raser* во втором значении имеет три варианта перевода: ‘сносить’, ‘срывать до основания’, ‘стирать с лица земли’. Но даже и с переводческой точки зрения здесь много лишнего. К тому же значению глагола дается пример: *raser les fortifications* ‘срыть укрепления’. Напрасно потрачены две строки, поскольку ничего нового он не добавляет ни к французской, ни к русской части словаря. Такому примеру место в толковом словаре, иллюстрирующем каждое значение слова стандартными примерами. На той же странице дается выражение *rase-vagues* с переводом: ‘брежущий полет над морем’. Неужели читателю, встретившему вы-

ражение *en rase-vagues*, не ясно, что это значит на 'бреющем полете над морем', и составители словаря сочли необходимым повторить этот длинный перевод, зря потратив целую строку. Нужно ли было приводить словосочетания: *rasoir électrique, rassemblement national, rassembler des faits, nouvelles rassurantes, rat d'eau, rat des champs, rat musqué, pauvre comme un rat d'église* и другие, перевод которых точно воссоздает раздельный перевод компонентов, даваемый в этом же словаре? Всего на стр. 670 нами отмечено 18 лишних строк то есть 13% текста. За счет этого можно было бы пополнить словарь многими словами, идиомами и значениями слов, на отсутствие которых жалуются те, кто пользуется словарем.

Мы не будем останавливаться здесь на последнем большом «Итальянско-русском словаре». Этот словарь представляет собой оригинальное явление в советской лексикографии. Его составители и редакторы, как это отмечается в предисловии, поставили перед собой задачу: создать словарь, который мог бы быть одновременно и пассивным словарем для русских, и активным словарем для итальянцев. Многочисленные варианты русских переводов, свободные словосочетания и примеры, насыщающие каждую статью этого словаря, представляются совершенно ненужными с точки зрения русского читателя, но могут представить несомненный интерес для итальянца, изучающего русский язык или переводящего на русский. Насколько удачной оказалась эта попытка создать словарь небывалого типа, должен показать специальный подробный анализ его. Пока же отметим, что объединение двух принципов — активного и пассивного словаря — в данном труде проведено непоследовательно, и вряд ли советский читатель одобрит столь чрезмерное увеличение габаритов словаря без ощутимой пользы для себя.

Приведенные факты (а их нетрудно умножить — достаточно взглянуть на любую страницу любого словаря) показывают, что издаваемые у нас словари «большие» и «малые» суть словари смешанного типа, без четкого дифференцированного назначения. Их богатство в значительной мере является мнимым богатством, с которым читатель не знает подчас, что делать. Появлению таких «смешанных» словарей способствовали, как нам кажется, два обстоятельства (не говоря уже о недостаточной разработке общей теории лексикографии).

Выверяя свой материал по одноязычным толковым словарям, составители двуязычных словарей порой подпадали под сильное влияние последних и включали в свои словари примеры на словоупотребление и словосочетания, вполне уместные в толковых или учебных словарях, но излишние в словарях переводных. Между тем в переводные словари следует включать прежде всего те явления, которые представляют интерес в двуязычном сопоставительном плане. В связи с этим, не пренебрегая отнюдь толковыми словарями, авторы словарей должны как можно шире использовать оригинальную литературу, а также анализы переводов с иностранного языка на русский.

Далее, ввиду отсутствия русских синонимических словарей и словарей словосочетаний, составители иностранно-русских словарей стремились как можно шире представить русскую синонимику, показать разнообразные варианты перевода. Так общепереводной словарь превращался в переводческий, причем конечная цель все равно не могла быть достигнута, ибо их возможности были ограничены, и переводчик очень часто не мог удовлетвориться ни одним из предлагаемых в словаре вариантов перевода и вынужден был отыскивать свой особый эквивалент.

Мы считаем, что было бы целесообразно дифференцировать структуру словарей в зависимости от их назначения и для каждого языка, по крайней мере для наиболее распространенных языков, создать систему иностранно-русских словарей, включающую словари трех типов: полные общепереводные, переводческие и учебные.

С. Н. Андрианов
(Москва)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОСТРОЕНИЯ СЛОВАРЕЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

При составлении иностранно-русских переводных словарей специальной терминологии возникает три группы вопросов: во-первых, что включать в словарь; во-вторых, как располагать включаемую в словарь иностранную терминологию; и в-третьих, как строить русскую часть словаря.

Ответ на эти три группы вопросов помогают дать два основных принципа, которым, надо полагать, должен быть подчинен всякий словарь специальной терминологии. Эти два принципа — полнота содержания и простота построения.

Эти принципы могут показаться более или менее очевидными; но кто из читателей, обращаясь к словарю, не сталкивался с таким положением, когда в словаре не оказывалось нужного термина? Кто не испытывал затруднений в решении вопроса о том, в каком именно месте словаря искать тот или иной термин, в особенности термин, являющийся словосочетанием? Кто не выражал недоумения, найдя, наконец, этот термин вовсе не там, где предполагал вначале его найти?

Трудности такого рода нередко объясняются тем, что составители словарей подчас строят свои словари на основе принципов и соображений, вникать в которые читатель, собственно говоря, не обязан.

Что нужно читателю? Что читатель прежде всего требует от словаря? Читателю нужно, чтобы, раскрыв словарь, он нашел требующийся ему термин наверняка и как можно быстрее.

В связи с этим представляется необходимым остановиться на тех трех группах вопросов, о которых упоминалось выше.

Проблема полноты словаря

а) Применительно к словарям вообще часто обсуждают вопрос о полных и кратких словарях, об их относительной практической ценности, о целесообразности создания кратких словарей, содержащих лексику, отобранную по принципу частотности употребления. Высказываются мнения, что в качестве справочного материала краткие словари оказываются малоценными, что в них преимущество более легкого отыскания слова не компенсирует недостатка, заключающегося в их неполноте. Как справедливо отмечал Л. Бархударов в своей статье «О так называемых кратких словарях»², в кратком словаре действительно легче найти нужное слово, но только в том случае, если оно в нем есть.

² См. Тетради переводчика, вып. № 1, М., 1963.

Настоящая статья не имеет целью обсуждать вопрос о том, нужны или не нужны краткие словари вообще. Здесь этот вопрос ставится лишь применительно к словарям специальной терминологии. Кажется несомненным, что такие словари должны непременно основываться на принципе максимальной полноты. Для специалиста соответствующего профиля краткий специальный словарь явился бы малополезным изданием.

Любому юристу, например, и так известно, что термин *law* означает 'право', 'закон', а *court* 'суд'. Это — слова, обладающие большой частотностью употребления в сфере юриспруденции. Термины, им подобные, составили бы в основном краткий англо-русский юридический словарь. Такой словарь не содержал бы значительной части наиболее трудных, наиболее сложно-находимых и сложно-определимых терминов, дать которые призван лишь максимально полный словарь и без которых юристу, работающему над юридической литературой на английском языке, трудно было бы разобраться в материале, ибо ни в одном другом словаре он не нашел бы перевода таких, скажем, терминов (может быть, и менее часто употребляемых, но оттого еще более трудных), как, например, *forthcoming*, *interpleader*, *socmanry*, *tailzie* и многих других терминов, которые принципиально отсутствовали бы в кратком словаре как не отвечающие критерию частотности употребления.

Изложенные соображения в равной мере применимы не только к юридическому, но и к любому другому словарю специальной терминологии.

Таким образом, напрашивается вывод, что каждый словарь специальной терминологии должен быть полным словарем. Конечно, надо учитывать, что практически неизбежны случаи выпадения из словаря того или иного термина, как бы близко словарь ни приближался к идеалу полноты; но при этом отсутствие термина в словаре будет носить характер погрешности, а не будет следствием стремления принципиально сузить включаемый в словарь вокабуляр.

б) Другим вопросом, связанным с проблемой полноты словаря, является вопрос о расширении словаря за счет включения в него возможно большего количества терминологической фразеологии. Очень часто приходится сталкиваться с таким случаем, когда легко установить значение отдельных слов-терминов, входящих в тот или иной речевой обо-

рот, но значение всей фразы тем не менее остается неясным, потому что содержащаяся в ней терминология по своему смысловому наполнению выходит за рамки простой суммы тех терминов, из которых она складывается.

Приведем несколько примеров из области права. Простейший пример: *Address to the Crown*. Компоненты ясны: *address* 'обращение', *Crown* 'корона'; однако если перевести указанное сочетание как 'обращение к короне', то смысл его будет весьма туманным и в лучшем случае его можно будет понять, как какую-то петицию, направленную королю или королеве. Трудности отпадут, если словарь будет содержать нужный перевод — 'ответ на тронную речь'.

Другой пример: *to appropriate goods to the contract*. Компоненты предельно ясны, но технически правильный перевод — 'индивидуализировать товар' — не может быть получен при помощи комбинации этих компонентов.

Или еще: *committee with a stand-by status*. Едва ли можно дать хороший перевод этого сочетания, если пытаться непосредственно построить его из составных элементов. Правильный перевод: 'комитет, функционирующий в случае необходимости'.

Существует терминологический оборот *action for money had and received*. Даже если найти по словарю значение слова *action* 'иск' и даже если юридический словарь будет содержать значение выражения *money had and received* 'недолжно полученное', 'недолжно уплаченное', то все же во многих случаях перевод всего словосочетания *action for money had and received* придется давать не посредством 'иск о возврате недолжно уплаченного' а путем более широкого по смыслу термина 'иск из неосновательного обогащения'.

Дальнейшими примерами могут служить также такие сочетания, как *deliver by hand against acknowledgement* 'сдать лично под расписку', *four corners of an instrument* 'документ в целом', 'полный текст документа', *admit expenses in general average* 'принимать расходы на общую аварию'.

Количество примеров можно было бы легко умножить.

Из сказанного вытекает дальнейший вывод: в интересах необходимой полноты специального словаря такой словарь должен быть одновременно и словарем терминологической фразеологии.

Проблема расположения включаемой в словарь иностранной терминологии

Кардинальный и само собой разумеющийся принцип расположения материала в словаре — принцип алфавитности — на деле оказывается понятием весьма растяжимым и подверженным различным толкованиям.

Одно из самых распространенных разветвлений этого принципа — алфавитно-гнездовая система расположения материала, при которой составные термины помещаются в гнездо так называемого ведущего слова. Эта система принята в таких, например, словарях, как «Англо-русский военный словарь» (М., 1960), «Англо-русский общеэкономический и внешнеторговый словарь» (М., 1955), «Англо-русский полиграфический словарь» (М., 1962), «Англо-русский словарь по автоматике и контрольно-измерительным приборам» (М., 1957), «Англо-русский политехнический словарь» (М., 1962), «Англо-русский словарь по фотографии и кинематографии» (М., 1960) и во многих других словарях.

Эта система, заимствованная из принципов построения общезыковых словарей, где она является совершенно естественной, в случае применения ее к построению словаря специальной терминологии является, на наш взгляд, наименее рациональной.

Недостатки ее сводятся к следующему:

а) Она нарушает принцип максимальной простоты построения словаря, делая словарь чрезвычайно громоздким. Это происходит потому, что в специальных словарях процент терминов, состоящих более чем из одного слова, то есть словосочетаний, значительно выше, чем процент таких единиц в общезыковых словарях, и поэтому при применении алфавитно-гнездовой системы существенная часть всей терминологии оказывается заключенной в гнездах, и весь словарь, таким образом, превращается в большое число отдельных словариков, имеющих подчас весьма сложное строение.

Так, например, в «Англо-русском словаре по фотографии и кинематографии» (М., 1960) содержится гнездо при слове *print*. В этом гнезде после значений ведущего слова *print* даются сочетания, в которых участвует ведущее слово; при этом сначала даются сочетания, в которых ведущее слово является первым словом, а потом в алфавитном порядке первых слов даются сочетания, в которых слово

print не является первым. Гнездо занимает несколько столбцов.

б) Другим недостатком гнездовой системы являются трудности, связанные с опознанием самого ведущего слова. Во многих случаях ведущее слово опознать сравнительно легко и, следовательно, легко и найти то гнездо, где должен содержаться искомый составной термин. Но, с другой стороны, есть точно также и много таких случаев, где ведущее слово либо вообще невозможно определить, либо где спорно, что именно является ведущим словом.

Например, в термине *insurance indemnity* ведущим словом можно считать либо первый, либо второй компонент, в зависимости от точки зрения: второй, если читатель интересуется различными видами компенсации, и первый, если его интересуют отношения между сторонами в договоре страхования. В упоминавшемся выше термине *action for money had and received* читатель решительно будет теряться, считать ли ему ведущим словом *action*, имея в виду прежде всего классификацию типов исков, или *money*, ориентируясь на существо искового требования.

Учитывая эти трудности, многие словари, придерживающиеся гнездовой системы, вынуждены идти на отступления от своих принципов и давать составной термин в двух гнездах (например, *deliver an attack* и т. п. термины в «Англо-русском военном словаре», М., 1960). Объем словаря тем самым искусственно раздувается.

Бывают отступления и иного рода, объективно свидетельствующие о несостоятельности гнездовой системы в специальных словарях.

Возьмем, к примеру, тот же «Англо-русский военный словарь», М., 1960). Учитывая невозможность во многих случаях определить ведущее слово, составители словаря располагают сочетания типа: «существительное со словом (или группой слов) в функции определения» по первому слову сочетания как отдельные словарные единицы (например, *attack against discontinuous resistance*; и в то же время сочетания, атрибутивная группа которых «только уточняет значение основного слова или вносит эмоционально-стилистическую окраску»³, помещаются в гнезде основного слова. Такого рода критерии и разграничения, вполне уместные в диссертационных работах, весьма затрудняют пользование словарем, и едва ли справедливо заставлять

³ См. «Англо-русский военный словарь», М., 1960., стр. 5.

читателя при пользовании словарем вникать в такие соображения.

Есть, наконец, случаи, когда рецепты образования гнезда на практике ведут к совершенно нелогичным построениям. Так, в «Англо-русском полиграфическом словаре» (М., 1962) ведущим гнездообразующим термином признается определяемое слово. Во многих случаях это, может быть, действительно так. Но во многих случаях это решительно неверно. Словарь, например, помещает термин *hydroxil group* в «гнездо» слова *group*, причем все «гнездо» состоит из этого самого единственного термина. Это совершенно нелогично, так как в данном случае абсолютно ясно, что «физиономию» термина *hydroxil group* определяет именно слово *hydroxil*, а вовсе не слово *group*.

в) Третьим недостатком гнездовой системы является то, что она способствует засорению словаря совершенно ненужными нетерминологическими единицами, единственной целью присутствия которых в словаре является создание гнезда. Например, в «Англо-русском общеэкономическом и внешнеторговом словаре» (М., 1955) присутствуют такие «термины», как *give* и *hand*, включенные для образования гнезд. В последних и содержится вся действительно нужная специальная терминология, компонентом которой выступают вышеприведенные слова.

Описанные недостатки алфавитно-гнездовой системы приводят к тому, что имеет место тенденция к отказу от нее при составлении словарей специальной терминологии. Правда, в некоторых словарях эта тенденция проявляется несколько робко. Например, в «Англо-русском железнодорожном словаре» (М., 1958) устойчивые словосочетания уже располагаются в алфавитном порядке первых слов в качестве самостоятельных словарных статей, а не по так называемому ведущему слову, но вместе с тем в этом словаре все еще проявляются элементы гнездового принципа. Дается, например, совершенно излишнее в данном словаре слово *above* после которого следуют сочетания, где это слово выступает первым. Та же картина наблюдается со словом *active*.

Другие словари порывают с гнездовой системой более смело. Это — «Англо-русский библиотечно-библиографический словарь» (М., 1958), «Англо-русский словарь дорожника» (М., 1956), «Англо-русский морской словарь» (М., 1951), «Англо-русский авиационный словарь» (2-е изд. М., 1950),

«Англо-русский химико-технологический словарь» (М., 1960) и другие словари, в том числе и «Англо-русский юридический словарь» (М., 1964).

Что же предлагается взамен гнездовой системы? Взамен нее предлагается такая система, при которой каждый помещенный в словарь термин или терминологическое словосочетание образует самостоятельную словарную статью, причем, разумеется, все словарные статьи располагаются в алфавитном порядке.

Эта система обладает несомненными преимуществами с точки зрения обеспечения для читателя простоты и удобства пользования словарем. Удобство это прежде всего относится к нахождению в словаре терминов-словосочетаний, которые, как уже упоминалось, образуют подавляющую массу представленной в специальном словаре терминологии. Читатель сразу же может их найти в словаре по первому слову.

При данной системе читателю уже нет необходимости ломать себе голову над проблемой ведущего слова, над проблемой построения гнезда, над проблемами исключений из гнездового принципа по признаку наличия или отсутствия эмоциональной окрашенности атрибутивной группы или по иным признакам, — над всеми теми проблемами, которые ни в коей мере не могут интересовать читателя, работающего над материалами своей специальности и желающего быстрее и вернее найти нужный ему термин.

Следует отметить, что и в безгнездовой системе имеются свои трудности, свои проблемы, свои возможные недостатки, которые, однако, уже не носят столь неизбежного характера, как это имеет место при гнездовой системе. Сущность возникающих при этом проблем становится ясной при рассмотрении возможных вариантов безгнездовой системы.

При первом варианте безгнездовой системы терминологические словосочетания с совпадающим первым словом располагаются друг за другом в алфавитном порядке вторых слов, а в случае совпадения вторых слов — в алфавитном порядке третьих слов. При такой системе образуется, например, следующая последовательность терминов:

hold
hold the affirmative⁴

⁴ Артикль обычно не принимается во внимание при определении алфавитного порядка.

hold brief for someone
hold court
holder
hold pleas
hold to bail

Из вышедших в свет словарей по такой системе построен, например, «Англо-русский сельскохозяйственный словарь» (М., 1956).

Эта система чревата лишь одной трудностью: как быть с составными двухкорневыми терминами типа *air mail*, *time sheet* и т. п.? Как известно, орфография таких терминов в английском языке отличается неустойчивостью, и один и тот же термин может встретиться в трех различных вариантах написания — отдельно, слитно и через дефис. При составлении словаря приходится делать выбор между двумя вариантами: слитное написание или написание через дефис, взятый в скобки.

При рассматриваемом варианте безгнездовой системы от сделанного выбора зависит местоположение термина среди других терминов в словаре. Оно будет одним, если первое слово обособлено, и совсем другим, если составитель словаря остановился на слитном написании, ибо в последнем случае термин помещается уже после того, как исчерпан список терминов с обособленной первой составной частью. Например:

air	air
air(-)line	aircraft
air(-)mail	airdrome
aircraft	airline
airdrome	airmail

Для преодоления вышеуказанной трудности существует лишь один путь — переход ко второму варианту безгнездовой системы, принятому, например, во втором издании «Англо-русского авиационного словаря» (М., 1950) или в «Англо-русском библиотечно-библиографическом словаре» (М., 1958).

Этот вариант безгнездовой системы заключается в следующем: все термины располагаются в строго алфавитном порядке, который распространяется на весь термин в целом, независимо от того, состоит ли этот термин из одного или нескольких слов, независимо от слитного, отдельного

или дефисного написания составных терминов. При такой системе, какой бы вариант написания того или иного термина ни избрать, место термина в словаре от этого не изменится, что облегчает нахождение его читателем. Данный вариант безгнездовой системы в наибольшей степени отвечает принципу обеспечения максимальной простоты нахождения в словаре нужного термина.

Окидывая этот вариант придирчивым оком, можно и здесь усмотреть некоторую шероховатость, но она уже будет скорее носить, так сказать, «визуальный» характер, чем относиться к существу дела. Так, возможно, некоторые признают не совсем удобной для глаза такую последовательность терминов:

hold	hold good
hold court	holding
holder	hold pleas,
holder for value	

где *holder* и *holding* разрывают последовательный ряд терминологических сочетаний с первым словом *hold*, но вместе с тем нельзя отрицать, что при такой системе алфавитная неустойчивость абсолютно исключается.

Что касается вопроса об обозначении частей речи при иностранных терминах, то большинство словарей специальной терминологии таких обозначений не содержит. Исключениями являются, например, «Англо-русский общеэкономический и внешнеторговый словарь» (М., 1955) или «Англо-русский морской словарь» (М., 1951), где грамматические пометы даются в тех случаях, когда одно и то же слово может представлять собою различные части речи.

Проблема построения русской части словаря

В связи с наметившейся в специальных словарях тенденцией к отказу от грамматических помет обнаруживается также тенденция при терминах, могущих представлять собою различные части речи, давать русские соответствия едиными смысловыми комплексами, не разбивая словарную статью на разделы, каждый из которых был бы представлен отдельной частью речи.

Примером может служить вокабула *plant* в «Англо-русском сельскохозяйственном словаре». В этой вокабуле в

русских соответствиях значится: «растение; саженец; сажать, насаждать; сеять, высевать». Здесь одна группа значений, один смысловой комплекс и соответствующий способ подачи.

Можно полагать, что такой способ подачи материала является целесообразным, экономящим время читателя, которому не приходится, скажем, сначала просматривать отдельно существительные, а потом отдельно соответствующие глаголы в самостоятельном разделе.

Разделение русских значений, являющихся различными частями речи, в разных словарях производится по-разному. В некоторых словарях разделение осуществляется посредством точки с запятой («Англо-русский сельскохозяйственный словарь», М., 1956 г., «Англо-русский военный словарь» М., 1960, «Англо-русский словарь дорожника» М., 1956), в других словарях для разделения употребляется знак || («Англо-русский полиграфический словарь», М., 1962, «Англо-русский политехнический словарь», М., 1962).

В «Англо-русском библиотечно-библиографическом словаре» (М., 1958) разделение частей речи производится с помощью арабских цифр. Этот способ представляется менее удачным, ибо он применим лишь в случае однозначных терминов. В случае же многозначных терминов арабские цифры необходимы для разграничения различных смысловых комплексов.

В качестве примера того, как выглядит подача русской части в случае многозначности термина, представляющего одновременно различные части речи, можно привести вокабулу *grant* из выпущенного недавно «Англо-русского юридического словаря»: *grant* 1. «отчуждать, передавать право собственности; отчуждение, передача права собственности; 2. жаловать; пожалование; 3. дарить; дарение; дарственный акт; 4. давать дотацию, субсидию; дотация, субсидия; 5. разрешать; разрешение; 6. предоставлять.

Говоря о русской части словарей специальной терминологии, необходимо подчеркнуть, что словарь должен быть, в принципе переводным, а не толковым. Иногда составители словарей об этом забывают. Так, в одном из подготавливаемых к печати словарей, рецензентом которого пришлось выступать автору настоящей статьи, составители, давая русское значение к английскому слову *papal*, вместо того чтобы написать 'папский', что было бы свойственно пере-

водному словарю, написали 'относящийся к Папе'. Корни ошибки ясны: составители посмотрели в английский толковый словарь — возможно, в известный словарь Вебстера, — где они прочитали "*of or pertaining to the Pope of Rome*" и просто перевели это разъяснение, записав его в свой словарь. Такие ошибки возможны, и от них надо составителей словарей предостеречь.

Бывают, однако, случаи, когда отступления от «переводности» к «толковости» неизбежны. Это неизбежно тогда, когда понятие, выраженное английским термином, не имеет никакого терминологического соответствия в русском языке.

В этом отношении особенно тяжело пришлось составителям изданного недавно «Англо-русского юридического словаря», так как англо-американская система права весьма далека от советской системы права и от систем права континентальных государств Европы. Существенная часть английских правовых терминов представлена, по сути дела, своеобразными «концепционными реалиями». Для некоторых из них практика приняла некие условные русские обозначения (иногда просто путем транскрипции или транслитерации), но большинство их, за неимением терминологического соответствия, должно быть в словаре разъяснено, причем зачастую, по необходимости, пространно.

Взять, к примеру, термин *burglary*. Специального термина, точно соответствующего ему в русском языке, не существует, ибо в советском праве не существует полностью аналогичного специального правового понятия. «Англо-русский словарь» проф. В. К. Мюллера приводит в качестве соответствия 'кража со взломом'. Юристы прибегают к транскрипции 'бёрглери', понимая под этим насильственное вторжение в ночное время в чужое жилище с намерением совершить в нем фелонию (*felony*); в свою очередь понятие 'фелония' относится к категории тяжких преступлений, по степени опасности находящейся между изменой и 'мисдиминором', а 'мисдиминор' (*misdemeanour*) — это категория наименее опасных преступлений, граничащих с административными правонарушениями. Ясно, что наличие в «Англо-русском юридическом словаре» одних лишь соответствий, представленных простой транскрипцией подобных английских терминов, было бы совершенно недостаточным. Поэтому требуется соответствующее разъяснение.

Можно сослаться на термин *escrow*, который, если его просто транскрибировать в русском написании, ничего не скажет даже юристу. Вследствие этого в словаре приходится давать разъяснение, что данный термин обозначает условно врученный документ за печатью, то есть документ, приобретающий формальное качество документа за печатью лишь после исполнения указанного в нем условия или депонированный у третьего лица впрямь до исполнения указанного в нем условия.

Таким образом, элементы, присущие толковому словарю и сами по себе чуждые словарю переводному, могут и должны присутствовать в переводном словаре в тех случаях, когда для данного иностранного термина не существует принятого терминологического словарного соответствия в русском языке.

Некоторые англо-русские словари специальной терминологии содержат в себе в качестве приложения указатель русских терминов. Такой указатель содержится, например, в «Англо-русском словаре по автоматике и контрольно-измерительным приборам» (М., 1957 г.) и в «Англо-русском словаре по фотографии и кинематографии» (М., 1960 г.) Подобный указатель дает возможность по русскому термину найти в данном словаре соответствующий английский термин. По существу, словарь, содержащий такой указатель, становится одновременно и русско-английским словарем по той же специальной отрасли.

Наличие такого указателя, несомненно, является определенным достоинством словаря, хотя и не может, конечно, рассматриваться как неперемное требование. Вместе с тем следует отметить, что составление такого указателя возможно и целесообразно далеко не всегда. Его наличие оправдано лишь в словарях по тем отраслям, где в жизни наблюдается совпадение в обоих языках понятий, для выражения которых употребляется данная специальная терминология. Если говорить об английском языке, то это в основном относится к чисто техническим словарям. Совершенно неуместно составление таких указателей к специальным словарям, которые отражают сферы не базисного, а надстроечного порядка, когда в системе понятий того и другого языка наблюдаются резкие расхождения, а потому и круг терминов, практически переводящихся с языка и на язык, в большинстве случаев не совпадает.

Возьмем к примеру опять-таки сферу права. Принимая

во внимание отмечавшееся выше различие большинства категорий английского и советского права, русско-английский юридический словарь отнюдь не явился бы, так сказать, «вывернутым наизнанку» англо-русским юридическим словарем, как это вполне могло бы быть, вероятно, в любой отрасли техники. Поэтому давать «указатель русских терминов» в англо-русском юридическом словаре было бы совершенно бессмысленно, ибо термины оказались бы вовсе не «русскими», не свойственными нашему праву, а английскими в русской интерпретации, которые никогда не пришлось бы переводить с русского языка на английский, а только с английского языка на русский.

Сказанное, разумеется, не умаляет того рационального зерна, которое содержится в идее составления указателей русских терминов в тех случаях, когда это уместно и целесообразно.

Л. Г. Хорохорин
(Москва)

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О МНОГОЗНАЧНОСТИ И НЕДИФФЕРЕНЦИРОВАННОСТИ СЛОВ В ДВУЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЯХ

Как видно из названия статьи, явления многозначности и недифференцированности значений слов рассматриваются в ней в лексикографическом плане. Нужно прежде всего сказать, что тема статьи навеяна интересной работой В. Г. Гака «Некоторые общие семантические особенности французского слова в сравнении с русским и вопросы лексикографии», опубликованной в «Лексикографическом сборнике»⁵.

Статья В. Г. Гака является в сущности развитием замечательной мысли академика Щербы о том, что «слова одного языка в большинстве случаев не просто соответствуют словам другого языка, а находятся с ними в весьма сложных и многообразных отношениях».⁶

Академик Л. В. Щерба в связи с этим отмечает, что составление дифференциальных (т. е. двуязычных) слова-

⁵ Лексикографический сборник. М., 1960, №4

⁶ Русско-французский словарь. Изд. 4-е. М., 1955, стр. 4.

рей дело исключительно трудное, что как-то до сих пор еще не дошло даже и до сознания самих составителей словарей.

В дальнейшем мне бы хотелось остановиться на одной из трудностей этого порядка применительно к английскому языку в сопоставлении с русским, то есть на вопросе о разграничении понятий «многозначность» и «недифференцированность» слова в англо-русских словарях. Вопрос этот имеет большое значение для переводчика, пользующегося двуязычным словарем. Раскрытие значений слов, несомненно, является самой важной и самой трудной составной частью любого словаря, как толкового, так и переводного (двуязычного). Поэтому сложный вопрос, над которым работают лексикологи и в нашей стране и за рубежом, — вопрос о значении слова, в данной статье рассматривается только применительно к построению словарной статьи в двуязычном словаре.

Поскольку пока что не существует особых двуязычных словарей для переводчиков, важно учесть, насколько наиболее полный «Англо-русский словарь» В. К. Мюллера пригоден одновременно и для изучающих английский язык, и для переводчиков.

Изучающему английскую лексику необходим такой словарь, который помог бы ему:

- 1) узнать место данного слова в системе лексики английского языка (т. е. отличать его от синонимов);
- 2) уметь употреблять его активно в живой речи;
- 3) уметь сопоставлять его со словами русского языка.

При практическом пользовании англо-русскими словарями часто сталкиваешься с таким явлением: хорошо знакомое английское слово, воспринимаемое при активном его употреблении как однозначное, не находит единого перевода в словаре. Например, когда мы слышим фразу *He resents criticism*, мы отлично понимаем, что это значит 'Он нетерпимо относится к критике'. Но что означает отдельно взятый глагол *to resent*? Во всех изданиях словаря В. К. Мюллера глагол *to resent* представлен тремя довольно далекими друг от друга значениями: 'негодовать', 'возмущаться', 'обижаться'. Таким образом, словарь не дает единого представления о значении слова. Более того, при переводе с русского на английский мы пользуемся другими соответствиями:

возмущаться	to be indignant (at smth., with smb.)
негодовать	to be outraged
обижаться	to feel hurt

Следовательно, в словаре Мюллера единое значение слова *resent* не передано; слово трактуется как многозначное, а многозначность эта мнимая.

Искусственная многозначность в переводных словарях]

Для того, чтобы понять возникновение мнимой многозначности английского слова в двуязычном англо-русском словаре, нужно обратиться к английским толковым словарям. По характеру словника словарь В. К. Мюллера, по крайней мере старые издания (1944—1953 гг.), ближе всего к “*Concise Oxford Dictionary*”. Именно использование этого словаря в большинстве случаев является источником мнимой многозначности в словаре В. К. Мюллера.

Существуют два различных способа объяснения значений слов в толковых словарях:

- 1) семантический способ, при котором приводится толкование слова,
- 2) синонимический способ, при котором слово объясняется с помощью его синонимов.

Синонимический способ особенно часто применяется при объяснении значения слов, выражающих абстрактные понятия.

Слова, объясненные в “*Concise Oxford Dictionary*” синонимическим способом, чаще всего при механическом переносе этих статей в англо-русский словарь дают искусственную многозначность. Сравним например:

“*Concise Oxford Dictionary*”:

Grim, a. Stern, unrelenting, merciless, severe; of forbidding or harsh aspect.

«Англо-русский словарь» В. К. Мюллера:

Grim, a 1) жестокий, беспощадный, неумолимый, непреклонный;

2) страшный, мрачный, зловещий.

В словаре Мюллера дан, по существу, перевод словарной статьи из “*Concise Oxford Dictionary*”. Если искать в этом словаре раскрытия значения слова *grim* в целом, то

правильным будет выделение только двух самостоятельных значений, выражающих два разных понятия:

1) жестокий (о характере, о внутренней характеристике человека или явления) и

2) страшный (о внешнем облике).

Все остальные слова, относящиеся к обоим значениям, являются просто переводом двух синонимических рядов, приведенных в Оксфордском словаре в качестве объяснения значений слова, и, как в этом можно убедиться на примере других словарей, более или менее случайны. Например, очень распространенный словарь Чемберса "Chambers's Twentieth Century Dictionary" (1-е изд. 1902 г., новое "Half-Century Edition", 1962 г.) дает совсем другой ряд синонимов для объяснения слова *grim*:

Grim, a of forbidding aspect; ferocious; ghostly; sullen; stern; unyielding

Таким образом, мы видим, что эти значения, кроме первого и пятого, не совпадают со значениями, данными в "Concise Oxford Dictionary".

Синонимические объяснения значений слов даже в пределах толкового англо-английского словаря отличаются двумя крупными недостатками:

во-первых, ставя знак равенства между словом и его синонимами, даже более близкими, словарь не дает четкого представления о значении данного слова;

во-вторых, поскольку каждый синонимический ряд используется, как правило, несколько раз для объяснения разных слов, то создается порочный замкнутый круг. Например:

<i>gloomy</i>	1) мрачный , темный;
	2) угрюмый , <i>печальный</i> , хмурый; <i>унылый</i>
<i>sulky</i>	1) надугый, угрюмый , мрачный
<i>dismal</i>	1) мрачный , <i>унылый</i> ;
	2) <i>печальный</i> , угрюмый ;
	3) гнетущий
<i>dreary</i>	мрачный , тоскливый, отчаянно-скудный
<i>sombre</i>	темный, мрачный

Ни одно из этих пяти прилагательных, выписанных из последнего издания «Англо-русского словаря» В. К. Мюллера, не имеет эквивалента, постоянного равнозначющего

соответствия в русском языке. По смысловой структуре первые три многозначны, так как могут относиться и к живым существам, и к предметам, и к явлениям, но повторяющиеся в каждом из них значения: 'мрачный' — во всех пяти, 'угрюмый' — в трех, 'печальный' и 'унылый' — в двух, создают замкнутый круг и могут поставить в тупик переводчика, особенно когда эти эпитеты встречаются рядом. Это не самостоятельные значения и не оттенки значений, а дифференциация значений при сопоставлении с русскими словами.

В толковом словаре при объяснении значений слова следовало бы пользоваться более простыми словами. Когда это правило соблюдается, синонимический способ раскрытия значения слов вполне приемлем для тех, для кого данный язык является родным.

В толковом словаре В. И. Даля этот способ доминирует, причем сам Даль в предисловии отдает ему предпочтение перед более громоздким способом объяснения значений слова путем истолкования. Но достоинства синонимического способа объяснения слова внутри языка совершенно сводятся на нет, когда этот способ механически переносится в двуязычный словарь.

Если в переводном словаре одному английскому слову, которое по существу не является многозначным, соответствует несколько русских синонимов, то это объясняется отсутствием в русском языке эквивалента (или, по терминологии А. В. Купина, моноэквивалента), являющегося постоянным равнозначным соответствием в другом языке, как правило, не зависящим от контекста.

В таких случаях составитель переводного словаря чаще всего прибегает к одному из двух способов:

1) к приведению ряда контекстуальных (вариантных) соответствий, являющихся, поскольку английское слово однозначно, более или менее близкими синонимами;

2) к истолкованию слова, или так называемому описательному переводу, что практикуется в особенности тогда, когда в русском языке нет слова для обозначения чуждого нашей действительности явления.

Так, например, слово *caucus* п передается в словаре Мюллера:

1) *амер.* закрытое собрание партийных лидеров для предварительного обсуждения политических и организационных вопросов

2) (в Англии презр.) политика подтасовки выборов, давления на избирателей и т. п.

Это яркий пример описательного перевода, и поскольку термин *saucis* не вошел в русский язык, такой перевод вполне законен.

Об отражении недифференцированности и многозначности в словарях

При сопоставлении английских слов с русскими с точки зрения их значения обращает на себя внимание тот факт, что очень часто смысловая структура одного и того же слова в английском и русском языках не совпадает. Полное совпадение смысловой структуры наблюдается лишь в области слов-терминов, имеющих только одно значение.

Подавляющее большинство слов английского языка многозначно. Слово называется многозначным, если оно «используется для обозначения нескольких различных понятий».⁷ Например:

waste n 1) расточительство; 2) потери; отходы; отбросы.

Первому значению довольно точно соответствует в русском языке слово 'расточительство', которое, однако, в словаре В. К. Мюллера отсутствует. Для передачи второго значения, несомненно единого в понимании англичанина, в русском языке, наряду со словом широкого значения 'потери', есть также и такие слова, как 'отходы', 'отбросы'. Нам могут возразить, что в английском языке есть соответствующие слова:

отходы	refuse
отбросы	refuse; offal

Однако в повседневной практике в английском языке чаще встретится слово *waste*, чем его более конкретные заменители, что подтверждается и сложными словами и словосочетаниями. Например:

waste-basket	корзина для отбросов
waste elimination (in founding)	борьба с отходами (в литейном производстве)

⁷ В. Г. Гак, цитированная выше статья, стр. 17

Явление многозначности не следует смешивать с недифференцированностью. Передача словом широкого значения в общем виде без его конкретизации и детализации называется широтой, недифференцированностью семантики слова. Слово обозначает одно понятие, это понятие настолько широко, что охватывает ряд понятий, обозначаемых разными словами в другом языке. Например:

oppression *n* 1) притеснение, угнетение, гнет; 2) угнетенность, подавленность, томление;
этаж floor, storey;
часы clock, watch, timepiece.

Лексикографу необходимо определить общее значение слова, выделить, обнаружить основное семантическое ядро, которое делает возможным его употребление для обозначения определенных предметов и явлений действительности.

Английские слова по сравнению с русскими характеризуются, в частности:

- 1) большой широтой, недифференцированностью;
- 2) более развитой многозначностью;
- 3) большой зависимостью от контекста.

Эти особенности должны обязательно учитываться при составлении англо-русского словаря.

Как объясняются значения, например, таких чрезвычайно распространенных в наше время слов, как *lobby*, *showdown* и т. п.?

В словаре В. К. Мюллера до сих пор *lobby* дается как американизм, обозначающий группу лиц, «обрабатывающих» членов конгресса в пользу того или иного законопроекта (7-е издание), то есть приведен отрицательный смысл; но не дано значение: «посылка делегации какой-нибудь группой населения (например, рабочими, служащими, съемщиками квартир в муниципальных домах, профсоюзам) для предъявления определенных требований своему депутату».

В последнем издании словаря В. К. Мюллера *showdown* переведено как «раскрытие карт», «откровенный обмен мнениями», между тем как наиболее распространенное значение этого слова — «ультиматум», «диктат»; часто — «решиительная схватка», «столкновение».

В этом случае переводчику нужно исходное значение слова *showdown* — «прием карточной игры» (при игре в по-

кер), чтобы понять все производные значения, вытекающие из главного. В карточной игре тот, кто объявляет *show-down* («откройтесь»), обычно стремится запугать партнеров, так как за право открыть свои карты и сопоставить их с картами противников нужно уплатить сполна сумму, стоящую в банке. Поэтому не желающий рисковать бросает свои карты, не показывая их, и выходит из игры. Отсюда и в политике возникли перечисленные выше значения.

Правильней было бы объяснить в словаре буквальное значение *showdown*, как 'прием карточной игры', а уже затем дать частные переносные значения, как это и сделано в дополнении к словарю "Universal Dictionary of the English Language" Уайльда за 1957 год.

Как видно из ряда приведенных примеров, очень часто в структуре английского слова сочетаются одновременно явления и многозначности, и недифференцированности понятий. В сложных случаях очень важно было бы попытаться в словаре привести их в определенную систему. Например, в статье прилагательного *crisp* стоило бы отметить, что все самостоятельные значения связаны с действием различных органов чувств, воспринимающих признаки и свойства, выражаемые словом *crisp*: 1) **восприятие осязанием**: рассыпчатый, хрупкий, 2) **восприятие слухом**: хрустящий, 3) **зрением**: кудрявый, махровый, завитой, 4) **обонянием**: бодрящий, свежий, живительный.

Исключительный разнобой в толковых словарях между синонимическими рядами, которые приводятся в качестве объяснения значения слов, свидетельствует о том, что это самый ненадежный из способов раскрытия подлинного значения слова. Эти объяснения больше всего пригодны для писателей, авторов статей, докладов, или просто людей, которые пишут письма и подыскивают либо замену данного слова во избежание его повторения, либо, отталкиваясь от данного слова, пытаются найти другое, более подходящее для выражения их мысли. Иначе говоря, эти объяснения частично заменяют синонимический словарь.

Конечно, все дифференцированные соответствия контекстуальны, как во всех приведенных выше примерах, и не могут быть исчерпывающими. В словаре нужно приводить лишь наиболее характерные.

Выводы

I. Словарь должен давать не только перевод, но и раскрывать различия при сопоставлении слов разных языков.

II. Чтобы избежать создания искусственной многозначности в параллельных словарях и порочного круга синонимов, следовало бы вместо перевода синонимических объяснений (т. е. ряда синонимов) основываться при подыскании русского эквивалента на тех толковых английских словарях, которые дают семантическое объяснение искомого слова.

III. При подаче слов широкого значения в двуязычных словарях важно в первую очередь раскрыть именно это общее значение слова, не дифференцируя его. Это дает возможность и изучающему язык, и переводчику самостоятельно вывести конкретное, более узкое контекстуальное значение в каждом конкретном случае его употребления. Особенно это важно для неологизмов.

IV. Основываясь на употреблении слова, нужно найти наряду с общим значением русские контекстуальные соответствия, дифференцированные, более конкретные, как например: *showdown* 'ультиматум', 'диктат', 'решительное столкновение', 'решающая проба сил'.

У. Заметки

И. А. Боромянский
(Киев)

ПЕРЕВОД И. И. ВВЕДЕНСКИМ ФРАЗЕОЛОГИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДИККЕНСА И ТЕККЕРЕЯ

Деятельность Иринарха Ивановича Введенского (1813 — 1855гг.), известного переводчика, литератора и педагога, протекала в 40-х—50-х годах XIX столетия. Это был период бурного расцвета революционно-демократической мысли в России, видными представителями которой являлись Белинский, Добролюбов, Чернышевский. И. Г. Чернышевский был близок с Введенским и входил в кружок передовых учителей и литераторов, который собирался у Введенского¹. Этот кружок оказал влияние на духовное развитие И. Г. Чернышевского. И. И. Введенский был также знаком с В. Г. Белинским.

Переводческая деятельность Введенского была своего рода этапом в истории перевода в России. Он оказал влияние на искусство перевода своего времени. Введенский первый познакомил широкие слои русских читателей с творчеством английских писателей Ч. Диккенса и В. Теккерея. Интересно отметить, что в 1853 году Введенский побывал в Англии и виделся там с Ч. Диккенсом.

Настоящая статья ни в коей мере не претендует на оценку переводческой деятельности И. И. Введенского в полном объеме. Нам бы хотелось остановиться на одном

¹ См. сб. «И. Г. Чернышевский» Статьи, исследования и материалы под ред. Е. И. Покусаева, Саратов, 1958, т. I, стр. 43, 44, 47, 48, 50—52, 104.

частном вопросе — вопросе перевода И. Введенским фразеологизмов с английского языка на русский.

Следует сказать, что в своей работе переводчика Введенский сталкивался со значительными трудностями. Основная трудность заключалась в отсутствии справочников. Словарей было немного. Переводчики того времени пользовались, в основном, словарем Вебстера и словарями Банкса² и Грамматина³, которые давали очень мало фразеологизмов. И только через 12 лет после смерти И. И. Введенского вышел словарь Бутузова⁴, в котором наряду с переводом слов были и переводы фразеологизмов. Вот почему в ряде случаев при переводе Введенскому приходилось опираться на догадку, подкрепленную текстом подлинника. Результаты этих его «переводческих мук» были порой удачны, а зачастую неудачны.

Произведения Диккенса и Теккерея изобилуют фразеологизмами. Мы подсчитали, что “*Dombey and Son*” содержит 964 фразеологизма⁵, “*David Copperfield*” — 757, “*Posthumous Papers of the Pickwick Club*” — 682 и т. д.

При отборе материала особое внимание было уделено образным фразеологизмам, так как они представляют наибольшие переводческие трудности.

Анализируя переводы И. Введенского, можно выделить следующие типы русских эквивалентов⁶, использованные им для передачи английских фразеологических единиц:

² Я. Банкс. Английско-русский словарь, М., 1858.

³ Н. Ф. Грамматин, Новый английский-российский словарь, М., 1808—1817.

⁴ В. В. Бутузов. Словарь особенных фраз и оборотов английского народного языка и употребительнейших американизмов, не введенных в обыкновенные словари. СПб., 1867.

⁵ Подсчеты даны только по глагольным фразеологизмам, так как предметом исследования автора этой статьи является перевод фразеологии такого типа с английского языка на русский.

⁶ По вопросу перевода фразеологизмов с английского языка на русский см. А. Федоров, Введение в теорию перевода, изд. 2-е, М., 1958; Т. Барабаш. Образные глагольные фразеологические единицы в современном английском языке. Канд. дисс., М., 1953; Я. Редкер. Теория и практика перевода с английского языка на русский. Краткий курс лекций для заочного обучения. М., 1956; А. Кунин, К вопросу о методике обучения переводу устойчивых словосочетаний с английского языка на русский на III-IV курсах. Ученые записки Московского гос. пед. института им. В. П. Потемкина, т. 32, Кафедра лексики и перевода ф-та английского языка, вып. 1, 1955; В. Н. Комиссаров, Я. И. Редкер, В. И. Тархов, Пособие по переводу с английского языка на русский. М., 1960.

1. Целиком совпадающие эквиваленты с единственно возможным, независящим от контекста переводом. Сюда можно в первую очередь отнести различного рода интернациональные фразеологизмы, основанные на библейских легендах, мифологических преданиях или исторических фактах:

“Who is that?” said the Doctor. “Oh! Come in, Toots; come in. Mr. Dombey, Sir.” Toots bowed. “Quite a coincidence!” said Doctor Blimber. “Here we have the beginning and the end. **Alpha and Omega.**” Our head boy, Mr. Dombey.”⁷ (“Dombey and Son”, ch XI.)

«— Кто там? — сказал доктор. — Войди Тутс, войди. Ты видишь мистера Домби. — Тутс поклонился. — Какое странное стечение обстоятельств, — продолжал д-р Блимберг. — Перед нами теперь начало и конец, **альфа и омега.** Это глава нашего заведения, м-р Домби». («Домби и сын», гл. XI.)

“In an office that might have been on the ground-floor of the **Tower of Babel** it was so massively constructed, we were presented to our old schoolmaster...” (“David Copperfield», ch. LXI.)

“В конторѣ, которая могла бы находиться в первом ярусе **вавилонской башни**, так массивно она была устроена, нас представили бывшему нашему директору...” («Давид Копперфильд», гл. 61.)

При переводе этих образных выражений имеет место лексическое и грамматическое совпадение, причем русские эквиваленты полностью соответствуют английским и по значению, и по стилистической направленности.

2. Частично совпадающие русские эквиваленты, которые совпадают по значению и стилистической окраске, но несколько отличаются по лексическому составу. Сюда, прежде всего, относятся фразеологизмы:

а) близкой образности:

⁷ Приводятся также примеры на неглагольные фразеологизмы, если они представляют переводческий интерес.

⁸ Для анализа были взяты следующие произведения: Ch. Dickens, Dombey and Son. Part I-II. М., 1955; David Copperfield, М., 1949; Posthumous Papers of the Pickwick Club, М., 1949; W. Thackeray, Vanity Fair. Part I-II. М., 1951 и соответствующие русские переводы И. Введенского.

“Everybody looked surprised. It was late — past eleven o'clock. Mr. Tupman **laughed in his sleeve**. They were loitering somewhere, talking about him. Ha, ha! Capital “notion that — funny” (“Posthumous Papers of the Pickwick Club”, ch. IX.)

„Все переглянулись с изумлением. Было уже одиннадцать часов. М-р Топман смеялся исподтишка с видом совершеннейшей самоуверенности, что Альфред и Рахиль гуляют где-нибудь в саду, и без сомнения говорят о нем. Ха, ха, ха!” («Замогильные записки Пикквикского клуба», гл. IX.)

б) другой образности:

“Well, my dear Sir, we won't waste time in **splitting straws**”, resumed the little man”, (“Posthumous Papers of the Pickwick Club”, ch. X.)

— “Что вы, почтеннейший, бог с вами!” — возразил адвокат. — “Ведь все это дело, говоря по совести, **выденного яйца не стоит**”. («Замогильные записки Пикквикского клуба», гл. X.)

“On the first occasion Mr. Thomas Traddles was left — let me say, in short, **in the lurch**.” (“David Copperfield”, ch XXXVI.)

«В первом случае, м-р Томас Траддельс, вследствие непредвиденной запутанности моих обстоятельств, попал, выражаясь коротко и ясно, — **попал впросак**.» («Давид Копперфильд», гл. XXXVI.)

Английские фразеологизмы *to split straws*, *to leave smb. in the lurch* Введенский переводит русскими эквивалентами другой образности. В этих английских и русских фразеологических соответствиях грамматическая структура не совпадает при полном совпадении общего лексического значения и стилистической окраски.

3. В рассматриваемых переводах встречаются случаи выбора русского эквивалента из синонимического ряда, то есть фразеологических соответствий, которые требуются тем или иным контекстом:

“On this occasion he seemed to think he was introduced expressly **to keep Traddles at bay**” (“David Copperfield”, ch. XLIV.)

“В настоящем случае он был, по-видимому, убежден,

что ему вменяли в обязанность **держат** Траддельса **в страхе...**

(«Давид Копперфильд», гл. IV-)

Образное сочетание *to keep smb. at bay* имеет фразеологический синонимический ряд: 'припереть к стене'; 'держат кого-либо в страхе'. Введенский выбрал русский эквивалент — 'держат кого-либо в страхе' — как более соответствующий контексту.

4. Интересно проследить, как Введенский переводил устойчивые выражения, которые используются Диккенсом в стилистических целях. Приведем пример дословного перевода деформированного фразеологизма:

"The iron was now hot, and Richards striking on it boldly — it was a good cause and she was bold in it, though instinctively afraid of Mr. Dombey — requested that Miss Florence might be sent down then and there, to make friends with her little brother." ("Dombey and Son," ch. III.)

"Железо было горячо, и Ричардс с усердием принялась ковать. Смело продолжала она доброе дело, хотя инстинктивно и боялась мистера Домби. "Мисс Флоренс", — сказала она, — не худо бы по временам заходить и сюда, в эту комнату, чтобы она привыкла любить братца". («Домби и сын», гл. III.).

Как видим, в данном случае переводчику удалось передать на русский язык своеобразное авторское употребление фразеологизма.

5. Значительное количество фразеологических единиц Введенский переводит путем раскрытия понятия в том случае, если в языке нет готового русского эквивалента. С этой точки зрения представляет собой интерес перевод таких фразеологизмов, где образность затемнена, не мотивирована. Опыт переводческой практики показывает, что фразеологические сращения труднее всего поддаются переводу. Ниже мы приводим примеры на перевод фразеологических сращений И. Введенским:

"Only I wish you had sown those wild oats of yours, George."

(**"Vanity Fair", ch. XIII.**)

"Только уж вот что, Джордж: сердись — не сердись, а я бы, право, посоветовал тебе расстаться со всеми

этими дурачествами».⁹ («Базар житейской суеты», гл. XIII.)

“The black-eyed was so softened by this deferential behaviour, that she caught up little Miss Toodle who was running past, and took her to Banbury Cross immediately.” (“Dombey and Son”, ch. VI.)

“Черноглазая девушка так разнежилась от этого почтительного обращения, что взяла к себе на колени маленькую Тудль, которая к ней подбежала”. («Домби и сын», гл. VI.)

Таким образом, Введенский переводит эти фразеологизмы описательно.

Следует отметить, что при переводе фразеологизмов Введенский допускает иногда ошибки. В английском языке есть выражение *man of war* ‘военный корабль’. Введенский переводит этот фразеологизм как ‘военный человек’ и совершенно искажает мысль Диккенса в этом месте.¹⁰

Во многих случаях Введенский вообще опускает перевод фразеологизмов:

“Do you think I don't know,” said my aunt, turning a deaf ear to the sister, and continuing to address the brother and to shake her head at him with infinite expression, “what kind of life you must have led that poor, unhappy, misdirected baby?” (“David Copperfield”, ch. XIV.)

— И неужели вы думаете, — сказала она, обращаясь к моему отчиму: — что я не знаю и не могу сообразить, на какой образ жизни вы обрекли эту несчастную малютку”. («Давид Копперфильд», гл. XIV.)

Введенский также не переводит такие образные сочетания как: *to keep the pot boiling* (“Posthumous Papers of the Pickwick Club”, ch. XXX.); *die game* (Там же, ch. XLIII); *to strike one's colours* (Там же, ch., L); *old lady of Thread-needle Street* (“Dombey and Son”, ch. XXXVI.); *dead as a doornail*. (Там же, ch. XXIV.)

При переводе некоторых устойчивых словосочетаний Введенский впадает в буквализм:

⁹ Имеется в виду беспутная жизнь молодого Осборна (прим. мое — И. Б.)

¹⁰ См. «Полное собрание сочинений Ч. Диккенса», СПб, 1892, (от переводчика); К. Чуковский. Высокое искусство, Гослитиздат, 1941. стр. 185.

“Pays as he speaks, my dear child, through the nose,” replied Miss Mawcher” (“David Copperfield”, ch. XXII.)

«— Говорит он в нос, и платит также в нос, мой милый... понимаешь? — ответила мисс Маучер». («Давид Копперфильд», гл. XXII.)

Введенский не передал образности, заложенной в этих двух фразеологизмах: *to pay through the nose* ‘заплатить с лихвой’; *to speak through the nose* ‘говорить в нос’, ‘гну-савить’. Перевод, сделанный Введенским, искажил мысль автора.

В следующем примере Введенский допустил ошибку в переводе фразеологизма:

“The feller has left you, has he?” the baronet said, beginning, as he fancied, to comprehend. “Well, Becky, come back if you like. You can’t eat your cake and have it.” (“Vanity Fair”, ch. XV.)

«— Эх, ма! Так он бросил Вас, этот шалопай, мисс Бекки?» — сказал баронет, начиная, как ему казалось, понимать сущность дела. «Ну Бекки, марш на “Короле-вину усадьбу”, если вам угодно. Вы не будете есть да-ром чужую требуху.» («Базар житейской суеты», гл. XV.)

To eat one’s cake and have it значит ‘пытаться совме-стить несовместимое’.

Следует указать, что излишняя руссификация подлин-ника и ненужный буквализм были свойственны в то время не только переводам Введенского. Для доказательства это-го положения обратимся к переводу “The Book of Snobs” В. Теккерей. Автор перевода — Голенищев-Кутузов¹¹.

Возьмем для примера перевод нескольких фразеологизмов:

“Yes, at eleven”, exclaims Goldmore, perturbedly, and walks with a flurried step into the house, as if he were going to execution (as indeed he was, with that wicked Gray as a Jack Ketch over him). (“The Book of Snobs”, ch. XVII.)

«— Да, в одиннадцать, хорошо», — подтвердил оза-даченный Деньгарев, да и поплелся нетвердыми шага-ми к дому, точно отправлялся на смертную казнь (пра-

¹¹ См. В. Теккерей «Книга мишуры», М., 1859.

во! С подобным **Иванушкой Кечем**, телохранителем позади, как эта бестия Грей» («Книга мишуры», гл. XXI.)

Фразеологизм *Jack Ketch* можно было бы перевести как 'Джек Кеч', тем более, что автор перевода, судя по примечанию, понимает значение этого выражения¹².

"I wasn't born with a silver spoon in my mouth," says Gray gravely. "That fork is the only one we have. Fanny has it generally." (Т а м же).

— Я не попал на свет божий с серебряной ложкой про мое горло", — заметил Раймунд важно. — Эта вилка единственная у нас в доме, кладется обычно для моей Фанночки".

Здесь переводчик впадает в явный буквализм.

Неудачно переводит Введенский и следующее образное выражение:

"Would you, Ma'am, would you? Mrs. Dombey, eh, Ma'am? I think not, Ma'am. Not while Joe B. can put a spoke in your wheel, Ma'am." ("Dombey and Son," ch. X.)

— Что сударыня, много взяли? А? М-с Домби, сударыня! Так ли-с? Хе, хе, хе! Погодите, матушка, погодите немножко. Старичина Джой запустит спичку в ваше колесо, славную спичку!" («Домби и сын», гл. X.)

В приведенном примере английское выражение следовало бы перевести известным русским фразеологизмом: 'вставлять палки в колеса'.

В другом примере переводчик нарушает стилистическую эквивалентность при передаче значения образного выражения:

"...and when I let the upper floor to Cap'en Cuttle, oh, I do a thankless thing, and cast pearls before swine." ("Dombey and Son", ch. XXIII.)

"...если я отдаю верхний этаж капитану Куттлю, так это моя добрая воля, и никто мне не указ, хоть капитан Куттль все равно, что свинья в огороде". («Домби и сын», гл. XXIII)

Билейское выражение *to cast pearls before swine* 'метать бисер перед свиньями' Введенский переводит неудачным просторечным выражением 'свинья в огороде'.

¹² В примечании Л. Голенишев-Кутузов пишет: "Ваня Кечь или Джек Кечь = Jack Ketch есть нарицательное имя палача в Англии".

В заключение следует подчеркнуть, что переводческая деятельность Введенского, несмотря на все ее недостатки, сыграла важную роль в деле ознакомления русской публики с английской классической литературой. Поэтому хочется надеяться, что в ближайшее время появятся исследования, в которых будет дана более широкая и полная оценка творчества И. И. Введенского как переводчика.

Г. Я. Туровер
(Москва)

ТРАНСКРИПЦИЯ ИСПАНСКИХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

(на материале топонимики и антропонимики)

Существующий и по сей день в художественной литературе и прессе разнбой при транскрибировании в процессе перевода испанских топонимических и антропонимических названий вызвал написание настоящей статьи. По существу ее содержанием могла стать таблица соответствий русских звуков испанским, учитывающая позиционные варианты испанских звуков.

Однако, прежде чем привести подобную таблицу, мы хотели напомнить об одной ложной традиции русской переводческой школы при транскрибировании имен собственных, существовавшей до недавнего времени (приблизительно до начала XX в.) и состоявшей в следовании ошибочному принципу: одной букве в испанском языке соответствует одна буква в русском языке. Дело в том, что звуковой строй испанского языка был мало знаком переводчикам, работавшим в конце XVIII—первой половине XIX века. Испанский язык в то время почти не изучался в России, и большинство произведений испанской литературы переводилось с французского языка¹³. В качестве образца переводов, распространенных в тот период, можно привести следующую курьезную публикацию перевода новеллы Сервантеса под названием «Две любовницы», датированную 1763 годом: «Гишпанская повесть Михайлы

¹³ Следует сказать, что в то время при транскрипции (точнее транслитерации) учитывалось даже не французское произношение, а условное соответствие латинских и русских букв (h-x, c-c и т.д.)

Цервантеса Сааведры...». В книге Кальдеронъ, «Драматическия произведения», С.Петербург, 1884 находим следующие перлы транскрипции: Дон-Хуан де-Вера Тазис и Виллароэль, Хуртадо де-Мендоза, Веласкез, маркиз Сантилана, взятие Нуманции,¹⁴ Матос Фрагозо, Августин Морето, Гарсилазо, Алонзо, д'Эрсила, Еузебио, Юлия, дон Лопе де-Фигуероа, Реболledo, Гомец, гидальго, Лопец и т.д.

Посвященный Сервантесу сборник, датированный 189^о годсм, носит название «Мигуэль Сервантес Сааведра».

В книге Висенте Эспинель «Жизнь Маркоса де-Сбрегон» (перевод С. С. Игнатова, Academia, 1935) встречаются Коваррувьяс, Мурсья.

Благодаря серьезному изучению испанского языка СССР за последние 30 лет положение с транскрипцией испанских топонимических и антропонимических названий значительно улучшилось, однако и до настоящего времени в прессе мелькают транскрипции вроде Анхелла Алонсо, Мануэль Лопес Лоренцо, Сальвадор Диаз Мирон, Армандо Харт, Гонзалес и т.д.

В ряде случаев все же стремление к правильной транскрипции должно отступить перед узаконенной многолетним словоупотреблением и литературойшибочной традицией. Таковы

Andalucía	Андалузия (правильно Андалусия)
La Habana	Гавана (правильно Ла Абана)
Honduras	Гондурас (правильно Ондурас),

где решающая роль принадлежит узусу.¹⁵

Таблица соответствий

<i>Испанский язык</i>	<i>Русский язык</i>
а	а
Abarán	Абаран
Alameda	Аламеда
Araiz	Арайс
Barbastro	Барбастро

«а» в конце слова после «i», а также после «ll» и «ñ» в лкбсй псзрции сссветствует «я» в руссксм языке.

¹⁴ Это могло быть и латинизм Numantia.

¹⁵ То же относится и к случаям с «неправильной» акцентуацией. Ср.

Perú Перу (правильно Перу)
 Málaga Малага (правильно Малага)
 Bogotá Бгота (правильно Богста)
 Panamá Панама (правильно Панамá)

Murcia	Мурсия
Guía	Гия
Guardia	Гвардия
Galicia	Галисия
Herencia	Эренсия

Исключение составляет *Brasilia* Бразилиа, возникшее в связи с необходимостью отличать название столицы от названия страны «Бразилия». В антропонимических названиях «а» в конечной позиции после «i» (особенно ударного «i») может соответствовать «а». Ср. *Garcia* Гарсиа и вариант Гарсия.

Sevilla	Севилья
Gudiña	Гудинья
Godella	Годелья
Socuéllamos	Сокуэльямос
Saviñán	Савиньян
Villablanca	Вильябланка
Valladolid	Вальядолид
Valdepeñas	Вальдепеньяс
Llagostera	Льягостера
Llanes	Льянес

в
во всех позициях

Barcelona	Барселона
Barbastro	Барбастро
Babia	Бабия
Bembribe	Бембрибе
Benabarre	Бенабарре
Benilloba	Бенильоба
Brasil	Бразилия

б

с
перед е, i

Garcilaso de la Vega
Cesar Vallejo
Carcelén
Cerecinos de Campos
Cenicientos

с

Гарсиласо де ла Вега!
Сесар Вальехо
Карселен
Сересинос де Кампос
Сенисьентос

с
перед а, о, и, перед
согласными и в ко-
нечном исходе

Joaquín Casalduego
Calaceite
Costa Rica
Corcubión
Cuba
Valle Inclán
Creciente
Renato Leduc

к

Хоакин Касальдуэрс
Каласейте
Коста Рика
Коркубион
Куба
Валье Инклан
Кресьенте
Ренато Ледук

ch

во всех позициях

Chauchina
Chiclana
Chinchilla
Chercos
Churriana
Alarcos Llorach

ч

Чаучина
Чиклана
Чинчилья
Черкос
Чурриана
Аларкос Льюрач

d

во всех позициях

Diego Hurtado de Mendoza
José María Heredia
Medinaceli
Madrid

д

Дьего Уртадо де Мендоса
Хосе Мария Эредия¹⁶
Мединасели
Мадрид

е

в открытом слоге, в закры-
том слоге в середине и
конце слова, а также перед
и после «ll» и «ñ»

Gregorio
Benito Pérez Galdós
Pedro Ureña
Gaspar Melchor Jovellanos
Ramón del Valle Inclán
Marcelino Menéndez y Pelayo

е

Грегорио
Бенито Перес Гальдос
Педро Уренья
Гаспар Мельчор Ховельянос
Рамон дель Валье Инклан
Марселино Менендес и Пелайо

¹⁶ Традиция: Эредиа.

е

в закрытом слоге в
начале слова, в
дифтонгах, после
гласной

Esteban Echeverría
Juan del Encina
José Echegaray
Alonso Ercilla
Juan Eugenio
Pedro Henriquez
Enrique Carrasco
Manuel López Lorenzo
Rafael Muñoz
Huelma
Huerta del Rey
Fuente Ovejuna

э

Эстебан Эчеверрия
Хуан дель Энсина
Хосе Эчегарай
Алонсо Эрсилья
Хуан Эухенио
Педро Энрикес
Энрике Карраско
Мануэль Лопес Лоренсо
Рафаэль Муньос
Уэльма
Уэрта дель Рей
Фуэнте Овехуна

f

во всех позициях

Faure
Fernando
Francisco
Calafell
Calaf
Fuente el Fresno

ф

Фауре
Фернандо
Франсиско
Калафель
Калаф
Фуэнте эль Фресно

g

перед «а», «о», «и», в
буквосочетаниях «gui»,
«gue», перед соглас-
ными

Gabia la Grande
La Garriga
Godella
Gudiña
Guisando
Guipúzcoa
Guernica
Grijota
Ignacio
Montealegre
Logroño

г

Габия ла Гранде
Ла Гаррига
Годелья
Гудинья
Гисандо
Гипускоа
Герника
Грихота
Игнасио
Монтеалегре
Логроньо

g

перед «e», «i»

Angel Guillén García
 Gelsa
 Gerena
 Gijón
 La Gineta
 Ginebrosa

x

Анхель Гильен Гарсия
 Хельса
 Херена
 Хихон'
 Ла Хинета
 Хинеброса

h

(ноль звука)

во всех позициях

Armando Hart
 Hurtado de Mendoza
 Huelva
 Hernández
 Hinojosa
 Ibahernando
 Mahón

Армандо Арт
 Уртадо де Мендоса
 Уэльва
 Эрнандес
 Инохоса
 Ибаэрнандо
 Маон

i**и**

Ibdes
 Ibi
 Idizábal
 Igea
 Incio
 Irún
 Felix
 Rubí
 Francisco
 José Martí
 Rojas Zorrilla
 Joaquín Gutiérrez

Ибдес
 Иби
 Идисабаль
 Ихеа
 Инсио
 Ирун
 Феликс
 Руби
 Франсиско
 Хосе Марти
 Рохас Соррилья
 Хоакин Гутьеррес

i**й**

в дифтонгах

Daimiel
 Eibar
 Ferreira

Даймель
 Эйбар
 Феррейра

и
перед «е»
Diéguez
Martín Fierro
Tiedra

в
Дьерес
Мартин Фьерро
Тьедра

й
во всех позициях

Juan Eugenio
Joaquín Monge
José Echegaray
Cesar Vallejo
Jaimes Freyre
Andújar
La Canonja
Rioja
Tuejar

х
Хуан Эухенио
Хоакин Монхе
Хосе Эчегарай
Сесар Вальехо
Хаймес Фрейре
Андухар
Ла Канонха
Риоха
Туэхар

к
во всех позициях в сло-
вах иностранного про-
исхождения¹⁷

Kiev
Kazbek
Járkov
Jakarta

к
Киев
Казбек
Харьков
Джакарта

л
в любой позиции перед
гласной

Alonso Ercilla
Lope de Vega
Luis de Góngora
Menéndez y Peláyo
Pablo Echague
Chiclana
Lacalahorra
Lerma
Lillo

Алонсо Эрсилья
Лопе де Вега
Луис де Гонгора
Менендес и Пелайо
Пабло Эчагуэ
Чиклана
Лакалаорра
Лерма
Лильо

¹⁷ Не будучи чисто испанскими именами собственными, эти при-
меры представляют собой особые случаи.

Lucena
Maluenda
Valcarlos

Лусена
Малуэнда
Валькарлос

I

ль

перед согласной и в абсолютном исходе

Ricardo Güiraldes
Juan del Encina
Miguel Hernández
Leganiel
Pulpí
Peralta
Petrel
El Salvador
Utiel

Рикардо Гуиральдес
Хуан дель Энсина
Мигель Эрнандес
Леганьель
Пульпи
Перальта
Петрель
Эль Сальвадор
Утьель

II

ль

во всех позициях

Llagostera
Llera
Llombay
Lluchmayor
Marcilla
Hellín
Sevilla
Rosell
Torroella

Льягостера
Льера
Льомбай
Льючмайор
Марсилья
Эльин
Севилья
Росель
Торроэлья

m

m

во всех позициях

Martín Fierro
Joaquín de Entrambasaguas
Jaimes Freyre
Jamaica
Muchamiel
Salmerón
San Martín del Río

Мартин Фьерро
Хоакин де Энтрамбасагвас
Хаймес Фрейре
Ямайка
Мучамьель
Сальмерон
Сан Мартин дель Рио

n

n

во всех позициях

Nicolas Guillén
Manuel Machado

Николас Гильен
Мануэль Мачадо

Fernando de Herrera	Фернандо де Эррера
Enrique Carrasco	Энрике Карраско
Juan Eugenio Hartzenbusch ¹⁸	Хуан Эухенио Арценбуш
Navaconcejo	Наваконсехо
Monzón	Монсон
Nules	Нулес
San Vicente de Alcántara	Сан Висенте де Алькантара
Tuineje	Туйнехе
Torredonjimeno	Торредонхимено
La Unión	Ла Унион

ñ	нь
во всех позициях	
Ñico	Ньико
Gregorio Marañón	Грегорио Мараньон
Alonso Ercilla y Zúñiga	Алонсо Эрсилья и Суñига
Buñuel	Буньюэль
Oña	Онья
Oñate	Оньате
Peñafiel	Пеньяфьель
Picaña	Пиканья

Исключения: *España* 'Испания', *Cataluña* 'Каталония' названия, входящие в словообразовательный тип географических имен с суффиксом *-ия*. Ср. Англия, Франция, Италия и т.д.

o	о
во всех позициях	
Omelio Sánchez	Омелио Санчес
Gomez de la Serna	Гомес де ла Серна
Francisco Rojas Zorrilla	Франсиско Рохас Соррилья
Faure Chaumont	Фауре Чомон
Armando Hart	Армандо Арт
Diego Hurtado de Mendoza	Дьего Уртадо де Мендоса
Obanos	Обанос
Olmedo	Ольмедо
Oviedo	Овьедо
Oroso	Оросо
Puerto Rico	Пуэрто Рико
Puzol	Пусоль

¹⁸ См. сноску на стр. 114.

Santofía
Santo Domingo
Zaragoza

Сантонья
Санто Доминго
Сарагоса

р

во всех позициях

Pedro de Urdemalás
Pepita Jiménez
Menéndez Pidal
Candepera
Chipiona
Espolla
Puebla de Sancho Pérez

п

Педро де Урдемалас
Пепита Хименес
Менендес Пидаль
Кандепера
Чипиона
Эсполья
Пуэбла де Санчо Перес

q

в буквосочетаниях «que», «qui»

Manuel Quintana
Horacio Quiroga
Enrique Carrasco
Joaquín Casaldueiro
Quero
Quinto
Quito
Torquemada
Turleque

к

Мануэль Кинтана
Орасио Кирога
Энрике Карраско
Хоакин Касальдуэро
Керо
Кинто
Кито
Торкемада
Турлеке

г

во всех позициях

Rafael Rodríguez
Dolores Ibarruri
Carlos Gutiérrez
Gaspar Jovellanos
Ramales de la Victoria
Urda
Aramburu
Villarcayo
Usagre

р

Рафаэль Родригес
Долорес Ибаррури
Карлос Гутьеррес
Гаспар Ховельянос
Рамалес де ла Виктория
Урда
Арамбуру
Вильяркайо
Усагре

гг

в середине слова

Fernando de Herrera
Esteban Echeverría
Villarrasa

pp

Фернандо де Эррера
Эстебан Эчеверрия
Вильярраса

Villarrubia
Zafarraya
Bugarra

Вильяррубия
Сафаррайя
Бугарра

s

во всех позициях

Sarita Montiel
Luis Salinas
Garcilaso de la Vega
Alonso Rojas Céspedes
Las Brozas
Salas de los Infantes
Solsona
Briviesca
Sesma
Viso de los Pedroches
Masanasa

c

- Сарита Монтьель
Луис Салинас
Гарсиласо де ла Вега
Алонсо Рохас Сеспедес
Лас Бросас
Салас де лос Инфантес
Сольсона
Бривьеска
Сесма
Висо де лос Педрочес
Масанаса

t

во всех позициях

Timoteo González
Antonio Vargas
Estébanez Calderón
Tabasco
Sot de Ferrer
Totana
Traiguera
Tardienta
Villarta de los Montes
Albacete
Utrera

т

Тимотео Гонсалес
Антонио Варгас
Эстебаньес Кальдерон
Табаско
Сот де Феррер
Тотана
Трайгера
Тардьента
Вильярта де лос Монтес
Альбасете
Утрера

u

Pedro Henriquez Ureña
Juan Utrera
Aramburu
Raimundo Muñoz
Jorge Casaldueiro
Ubeda
Ujué
Uruguay
Vinuesa
Zurgena

у

Педро Энрикез Уренья
Хуан Утрера
Арамбуру
Раймундо Муньос
Хорхе Касальдуэро
Убеда
Ухуэ
Уругвай
Винуэса
Сурхена

и	в
в позиции между «g» и «a»	
Uruguay	Уругвай
Paraguay	Парагвай
Guadalajara	Гвадалахара
Guadalupe	Гвадалупе
Guaro	Гваро
Guatemala	Гватемала

и	ю
в позиции после «ll», «ñ»	
Caballuco	Кабальюко
Lluchmayor	Льучмайор
Bañusca	Баньюска

ï	у
Camagüey	Камагуэй

v	в
во всех позициях	
Vicente Espinel	Висенте Эспинел
Lope de Vega	Лопе де Вега
Victor Vergara	Виктор Вергара
Valcarlos	Валькарлос
Navarra	Наварра
Valverde	Вальверде
Viver	Вивер
Villanueva del Rey	Вильянуэва дель Рей
Riveira	Ривейра

w	в или у
в словах иностранного происхождения ¹⁹	
Washington	Вашингтон
Wilde	Уайлд

x	кс
во всех позициях	
Xavier	Ксавьер
Max Aub	Макс Ауб
Xenón	Ксенон

¹⁹ См. спелку на стр. 114

у
в сочетании с

	«а»	—	я
	«о»	—	ё
	«и»	—	ю
	«е»	—	е
Yanguas			Янгвас
Yatova			Ятова
Yebra			Ебра
Yucatan			Юкатан
Yoel			Ёэль ²⁰

у	и
в изолированной позиции, в абсолютном исходе и в интерконсонантной позиции	
Luis de Góngora y Argote	Луис де Гонгора и Арготе
Enrique Gily Carrasco	Энрике Хили Карраско
Benito Lynch	Бенито Линч
Francisco Quevedo y Villedas	Франсиско Кеведо и Вильедас

у	й
в дифтонгах	
Menéndez y Pelayo	Менендес и Пелайо
Jaimes Freyre	Хаймес Фрейре
Toya	Тойя
Tuy	Туй
Sayago	Сайяго
Uruguay	Уругвай
Poyales del Hoyo	Пойялес дель Ойо
Montroy	Монтрой

z	с
во всех позициях	
Andrés Zorrilla	Андрес Соррилья
Pérez de Ayala	Перес де Айяла
Diego Mendoza	Дьего Мендоса
Lorenzo Hernández	Лоренсо Эрнандес
Esteban González	Эстебан Гонсалес
Alonso Ercilla y Zúñiga	Алонсо Эрсилья и Суньи́га

²⁰ Возможен вариант уо —дж. Ср. Yoel—Джоэль.

Zacatecas	Сакатекас
Zamora	Самора
Zazuar	Сасуар
Zuera	Суэра
Zaragoza	Сарагоса
Jerez de la Frontera	Херес де ла Фронтера
Cádiz	Кадис
Ciempozuelos	Сьемпосуэло
Guipuzcoa	Гипускоа
Azcoitia	Аскойтия
Aznacollar	Аснакольяр
Azpeitia	Аспейтия
Atienza	Атьенса

Примечание: Буквосочетание «tz» в словах иностранного происхождения соответствует «ц».

Ср. Juan Hartzzenbusch — Хуан Арценбуш.

Вышеприведенная таблица позволяет, как нам представляется, устранить существующий разнобой в транскрипции испанских топонимических и антропонимических названий. Ее следует рассматривать как рекомендацию и пользоваться в повседневной практике транскрибирования.

М. Я. Цвиллинг
(Москва)

RATSCHLÄGE FÜR SIMULTANDOLMETSCHER UND SOLCHE, DIE ES WERDEN WOLLEN

1. Genau übersetzen ist gut, aber die Hauptsache ist: schweig' nicht, wenn der Redner spricht. Dein Zuhörer glaubt sonst, er sei taub geworden.

2. Spricht der Redner zu schnell—mach dir nichts draus: das Publikum kommt ja auch nicht immer mit. Darum: je schneller der Redner, desto langsamer der Dolmetscher.

3. Der Hauptsatz ist dein Rettungsring, einen Nebensatz kannst du daran immer noch anhängen. Beginnst du aber mit dem Nebensatz, so geht er unter, ehe der Hauptsatz auftaucht—und beide erleiden Schiffbruch.

4. Laß dich nicht durch Zahlen verblüffen, Übersetze bloß mit schönem Nachdruck etwa jede dritte Zahl und sage möglichst oft „und so weiter“. Sollten diese Zahlen den Zuhörer wirklich interessieren, dann kann er sie ja im Pro-

totokoll nachlesen. Interessieren sie ihn aber nicht, so ist er dir für die ersparte Mühe noch dankbar.

5. Hast du den Wortlaut der Rede schriftlich, so übersetz ihn eben drauflos, und laß dich vom Redner nicht stören. Auch wenn er dem Text nicht folgt. An seinen Seitensprüngen bist du schließlich nicht schuld, und dein Zuhörer merkt kaum was (wie sollte er auch?)

Hauptsache—gleichzeitig mit dem Redner aufhören!

6. Lacht das Publikum über einen Witz des Redners, den du nicht mitgekriegt hast—sage ruhig: „Das Publikum lacht über ein unübersetzbares Wortspiel“. Immerhin ein Trost für deine Zuhörer.

7. Laß dich nie durch Fachausdrücke aus dem Konzept bringen. Ein noch so unverständliches Fremdwort imponiert dem Durchschnittsteilnehmer einer Veranstaltung auf alle Fälle mehr als betretenes Schweigen im Kopfhörer. Drum: frisch drauflos latinisiert!

8. Am „Also“ erkennt man unfehlbar den Anfänger. Willst du dich also nicht verraten, dann ersetzt du also jedes „Also“ durch ein wohlklingendes „meines Erachtens“, „soviel ich urteilen kann“ oder, „angesichts der von mir dargestellten Tatbestände“ u. a.

Die angeführten Redensarten haben gegenüber dem schlichten „Also“ außerdem noch den Vorteil, daß sich so dank ihrer Länge manche peinliche Pause bequem überbrücken läßt.

9. Laß es dir nicht zu nahe gehen, wenn du Fehler machst. Kopfhörer, Mikrophon und Röhrenverstärker machen dich noch lange nicht zur elektronischen Übersetzungsmaschine, und Irren ist menschlich!

10. Im übrigen hältst du dich an die „Zehn Gebote des Simultandolmetschers“:

I. Du sollst nicht verzagen

II. Du sollst nicht husten

III. Du sollst nicht seufzen

IV. Du sollst nicht gähnen

V. Du sollst nicht träumen

VI. Du sollst nicht stottern

VII. Du sollst nicht Rede brechen

VIII. Du sollst nicht schweigen

IX. Du sollst nicht fluchen (weder deutsch, noch russisch!)

X. Du sollst nicht versagen

Du sollst dolmetschen!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

I. Вопросы теории и истории перевода

- А. В. Кунин . О переводе английских фразеологизмов в англо-русском фразеологическом словаре 3
- Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман Глаголы адвербиального значения и их перевод на русский язык 20

II. Проблемы художественного перевода

- Л. С. Бархударов О лексических соответствиях в поэтическом переводе (на материале перевода И. А. Буниным «Песни о Гайавате» Г. Лонгфелло) 41
- Л. М. Кунин Перевод поэмы Ламартина «Озеро» 61

III. Вопросы методики преподавания перевода

- М. Я. Цвиллинг От иностранного языка к родному и обратно (соображения о построении курса перевода с русского языка на иностранный, на примере немецкого языка) 66

IV. Вопросы лексикографии

- В. Г. Гак О разных типах двуязычных словарей 71
- С. Н. Андрианов Некоторые вопросы построения словарей специальной терминологии 78
- Л. Г. Хорохорин Некоторые замечания о многозначности и недифференцированности слов в двуязычных словарях 91

V. Заметки

- И. А. Бородянский Перевод И. И. Введенским фразеологии в произведении Диккенса и Теккерея 100
- Г. Я. Туровер Транскрипция испанских имен собственных на русский язык (на материале топонимии и антропонимии) 108
- М. Я. Цвиллинг Ratschläge für Simultandolmetscher und solche, die es werden wollen. 121